

18+

Юрий Драздов

**Фермер
симулятор:
Мировая
война Z**

Юрий Драздов
Фермер симулятор:
Мировая война Z

<https://litres.ru/74152832>

ISBN 9785007016476

Аннотация

Бывший колхозник Иван Петрович, выбравший в игре класс «Мирный Житель», против воли становится знаменитым Агрономом. Когда армии сильнейших альянсов объединяются, чтобы захватить его сервер, старик отказывается от мечей и магии. Его оружие — взрывоопасные тыквы и стреляющие шипами «Ежи», живые лазерные батареи из подсолнухов и биологическое оружие в виде магической тли. Сражаясь лопатой и семенами, он превращает поля в неприступную крепость, доказывая, что даже король PvP бессилен

Содержание

Глава 1. Прибытие	5
Часть 1. Врата Миров	6
Часть 2. Первое столкновение с чужим	19
Часть 3. Наблюдатели	29
Часть 4. Европейцы ждут	34
Часть 5. Тишина перед бурей	37
Глава 2. Солнечный удар	40
Часть 1. Перед рассветом	41
Часть 2. Каменный кулак	50
Часть 3. Первое касание	58
Часть 4. Солнечный удар	62
Часть 5. Контрудар стихий	69
Часть 6. Затишье	77
Часть 7. Вечерние размышления	81
Глава 3. Генерал-тля	85
Часть 1. Энергетический тупик	86
Часть 2. Пробуждение генерала	97
Часть 3. Ночной посев	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Фермер симулятор: Мировая война Z

Юрий Драздов

© Юрий Драздов, 2026

ISBN 978-5-0070-1647-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Прибытие

Часть 1. Врата Миров

Небо над восточными равнинами начало умирать задолго до рассвета.

Первым признаком стала тишина. Не та обычная, предрассветная тишина, когда мир замирает в ожидании солнца, а тишина неестественная, глубокая, какая бывает только в герметично закрытом погребе или в склепе. Птицы, ещё затемно начавшие свою переключку в кронах уцелевших деревьев, внезапно замолкли. Ветер, всю ночь шелестевший пеплом по равнине, стих так резко, словно его выключили невидимым рубильником. Даже вездесущий пепел, обычно висевший в воздухе мельчайшей взвесью, начал оседать на землю, как будто сама атмосфера решила очиститься перед чем-то грандиозным и страшным.

Следующим признаком стал свет. Не солнечный — солнце ещё пряталось за восточными холмами, и его первые лучи только начинали робко пробиваться сквозь плотную пелену туч. Нет, этот свет был иным. Холодным. Мертвенным. Голубовато-белым. Он возник в воздухе на высоте нескольких десятков метров над землёй — сначала едва заметное мерцание, похожее на северное сияние, только спустившееся с небес на землю. Затем мерцание усилилось, сгустилось, и в

трёх точках над восточной равниной одновременно начали формироваться гигантские светящиеся кольца. Они висели в воздухе, идеально ровные, словно начерченные циркулем какого-то немыслимого божества, и от них исходил тот самый холодный, безжизненный свет.

На постах «Колхоза», разбросанных вдоль восточной линии обороны, тревога была поднята мгновенно. Дежурные, ещё не успевшие смениться после ночной смены, замерли у своих «Ежей», глядя на восток расширенными от ужаса глазами. Кто-то выругался сквозь зубы. Кто-то побежал будить командиров. Кто-то просто стоял и смотрел, не в силах оторвать взгляд от надвигающегося кошмара. «Глаз-трава», расставленная по всему периметру, синхронно повернула свои соцветия к востоку, и её крошечные зрачки расширились, наливаясь тревожным красным свечением.

В штабном сарае Иван Петрович, который, как обычно, не спал в эту ночь, оторвал взгляд от карты и прислушался. Его лицо, изрезанное морщинами, было непроницаемым, но пальцы, сжимавшие черенок сапки, побелели от напряжения. Рядом с ним, на своём обычном месте у стены, сидела Whisper. Её глаза были закрыты, но лицо выражало предельную сосредоточенность. Она «слушала» — и то, что она слышала, заставляло её сердце биться чаще.

— Началось, — тихо произнесла она, и в её голосе не было страха. Только констатация факта. Только принятие неизбежного.

— Слышу, — коротко ответил Иван Петрович, поднимаясь из-за стола. — Буди всех. Тревога. Полная готовность.

Через несколько минут лагерь «Колхоза» гудел, как встревоженный улей. Бойцы выбегали из землянок, на ходу натягивая доспехи и разбирая оружие. Командиры отрядов выкрикивали приказы. В кузницах, работавших круглосуточно, мастера на мгновение оторвались от наковален и перекрестились — кто в бога, кто просто в воздух. И только Эйнар, стоявший у входа в сарай, был, как всегда, мрачен и спокоен. Он уже видел войны. Он знал, что паника убивает быстрее меча.

— Всем сохранять спокойствие, — произнёс он, и его голос, усиленный командными навыками, разнёсся над площадью. — Первая линия — готовность номер один. Вторая линия — резерв. Гражданские — в укрытия. Повторяю: без паники. Мы ждали этого. Мы готовы.

А тем временем на восточной равнине кольца света достигли своего апогея. Их диаметр теперь составлял не менее пятидесяти метров каждое, и внутри них начали проявлять-

ся контуры — сначала размытые, дрожащие, словно отражения в воде, но с каждой секундой становящиеся всё более чёткими. Это были три гигантских портала, и из них, как из чрева какого-то немыслимого зверя, начали изливаться армии.

Зрелище было одновременно величественным и ужасающим. Первыми из центрального портала появились разведчики — лёгкая кавалерия на мускулистых, покрытых бронёй муунтах. Всадники были облачены в сверкающие нагрудники, украшенные геральдическими львами и орлами, и держали в руках длинные пики с вымпелами, трепетавшими на ветру, которого не было. Они вылетели из портала, как пробка из бутылки, и немедленно рассыпались веером, занимая плацдарм и оценивая обстановку. Их движения были быстрыми, отточенными, лишёнными и тени колебания. Сразу было видно: это не новички. Это профессионалы, прошедшие десятки, если не сотни межсерверных войн.

Следом за разведчиками из порталов начала выходить тяжёлая пехота. Это были рыцари в полном латном облачении. Их доспехи, отполированные до зеркального блеска, отражали холодный свет порталов, и от этого казалось, что каждый воин окружён собственной аурой. На плечах и нагрудниках красовались гербы — скрещённые мечи, драконы, короны, — и разнообразие этих гербов говорило о том, что армия

вторжения состояла не из одной гильдии, а из целого альянса. Европейский альянс, как и предполагала разведка Рейнджера. Тяжёлая, дисциплинированная, великолепно экипированная сила, способная сокрушить любые стены.

Рыцари шли ровными шеренгами, плечом к плечу, и их шаги, сливаясь в единый ритм, создавали низкий, утробный гул, который был слышен за много миль. Этот гул, казалось, проникал в самую землю, заставляя её дрожать. За рыцарями следовали арбалетчики и лучники, вооружённые мощными композитными луками. Их стрелы, которые они несли в колчанах за спиной, были увенчаны бронебойными наконечниками, способными пробить даже зачарованный доспех. За ними — маги. Эти держались особняком, и их внешний вид резко контрастировал с блеском рыцарей. Они были одеты в тёмные, почти чёрные балахоны, расшитые серебряными рунами, и их лица скрывали глубокие капюшоны. В руках они держали посохи, увенчанные крупными, пульсирующими кристаллами, и от этих кристаллов исходило то самое, голубовато-белое свечение, которое питало порталы. Маги не шли — они скользили над землёй, едва касаясь её подошвами сапог. И за каждым из них, повинаясь безмолвным командам, следовали големы.

Големы заслуживали отдельного описания. Это были гигантские, втрое выше человеческого роста, каменные изва-

нения, грубо вытесанные, но излучавшие невероятную, первобытную мощь. Их глаза, глубоко посаженные в каменных глазницах, горели багровым огнём. Их руки, размером с телегу, могли крушить стены, а ноги, толщиной с вековые дубы, оставляли в земле глубокие вмятины при каждом шаге. Каждый голем тащил за собой на цепях огромные металлические шары, утыканные шипами — осадные орудия ближнего боя. И каждый из них, казалось, ждал только приказа, чтобы начать крушить и убивать.

Но и это было ещё не всё. Из второго портала, того, что располагался севернее, начали появляться войска иного типа. Если европейцы делали ставку на тяжесть, мощь и дисциплину, то здесь, на северном направлении, в игру вступала Азиатская коалиция. Её воины были облачены в лёгкие, но невероятно прочные лакированные доспехи, украшенные замысловатыми узорами и иероглифами. Их шлемы, увенчанные рогами и гребнями, напоминали маски демонов, и в прорезях этих масок горели холодные, расчётливые глаза. Они двигались не строем, а группами — мобильными, гибкими, способными мгновенно перестраиваться в зависимости от ситуации. Их оружие было разнообразным: изогнутые мечи-катаны, длинные копья-яри, серповидные клинки-кама. И каждый воин, судя по их движениям, был мастером своего дела.

За ними следовали маги, но эти маги отличались от европейских. Если европейские маги повелевали грубой силой стихий — огнём, льдом, молниями, — то азиатские маги специализировались на иллюзиях и контроле. Их посохи были украшены не кристаллами, а пучками перьев и лентами, исписанными заклинаниями. Они не скользили над землёй — они словно танцевали, и их движения, плавные и гипнотические, завораживали. Вокруг них воздух дрожал и искажался, создавая миражи — ложные отряды, несуществующие огни, призрачные стены. А среди них, невидимые и неслышимые, двигались ниндзя. Они появлялись из теней, словно соткавшись из воздуха, и исчезали так же быстро, не оставляя следов. Их лица скрывали маски, их тела облегали чёрные, как ночь, одежды, и единственным признаком их присутствия был лёгкий, едва уловимый шёпот — шёпот смерти.

Третий портал, самый южный, извергал из себя флот. Не морской — воздушный. Огромные, похожие на скатов, дирижабли, поддерживаемые магическими кристаллами, величественно выплывали из портала и зависали над равниной. Их корпуса, покрытые бронёй и украшенные флагами, скрывали внутри десятки, если не сотни бойцов десанта. На палубах, закреплённые на специальных станках, стояли баллисты и катапульты, способные метать снаряды на огромные расстояния. А на носу каждого дирижабля, в специальных кабинах, сидели маги-наводчики, чьи заклинания могли про-

жигать сталь и плавить камень.

Объединённая армия вторжения разворачивалась на восточной равнине, и масштаб этого развёртывания был таков, что, казалось, сама земля прогибалась под её тяжестью. Тысячи воинов строились в боевые порядки. Сотни магов готовили заклинания. Десятки големов занимали позиции на флангах. Дирижабли, зависшие над полем боя, отбрасывали гигантские тени, накрывавшие целые отряды. И над всем этим, перекрывая шум шагов и лязг оружия, разносились голоса командиров, отдававших приказы на десятках языков.

Лорд-командор Аларик, глава европейского альянса, наблюдал за развёртыванием с холма, который его разведчики заняли в первую очередь. Это был высокий, широкоплечий мужчина лет пятидесяти, с обветренным, покрытым шрамами лицом и холодными, серыми глазами, которые, казалось, видели всё и не удивлялись ничему. Его доспехи, выкованные из драконьей стали, были украшены гербом его гильдии — золотым орлом, терзающим змею. Его плащ, алый как кровь, развевался за спиной, хотя ветра не было — магия. В руках он держал шлем, увенчанный плюмажем из орлиных перьев, и время от времени подносил к глазам магический монокль, сканирующий местность.

Рядом с ним стояли его ближайшие помощники: ма-

стер-маг Элизиум, худой и бледный, как смерть, с посохом, увенчанным чёрным кристаллом; генерал тяжёлой пехоты сэр Грегор, огромный, как медведь, закованный в броню, делавшую его похожим на ходячую крепость; и леди Моргана, командир разведки, высокая, темноволосая женщина с острыми, как у хищной птицы, чертами лица и глазами, которые, казалось, видели в темноте.

— Докладывайте, — коротко приказал Аларик, не отрывая взгляда от равнины.

Первым заговорил сэр Грегор. Его голос, низкий и роко-чуший, звучал как отдалённый гром:

— Тяжёлая пехота развёрнута. Три полные дивизии. Первая — на острие атаки, вторая — резерв, третья — фланговое прикрытие. Големы на позициях. Кавалерия готова к выдвижению. Через час, максимум два, мы можем начинать штурм.

— Маги готовы, — сухо добавил Элизиум, и в его голосе не было ни энтузиазма, ни тревоги. Только холодная констатация факта. — Я развернул три круга заклинателей. Первый круг — осадная магия: фэйерболы, ледяные копья, молнии. Второй круг — защита: щиты, отражение, контрзаклинания. Третий круг — поддержка: лечение, усиление, телепортация.

Големы подпитываются от резервных кристаллов. Энергии хватит на двенадцать часов непрерывного боя.

— Разведка, — произнёс Аларик, поворачиваясь к леди Моргане.

Та чуть наклонила голову, и её глаза, глубокие и тёмные, словно омуты, на мгновение встретились с глазами лорда-командора.

— Странно, — сказала она, и в её голосе прозвучала непривычная для неё нотка неуверенности. — Очень странно.

— Что именно? — уточнил Аларик.

— Всё, — ответила Моргане. — Мы ожидали, что противник встретит нас на границе. Что он выставит заслоны. Попытается задержать. Но ничего этого нет. Вообще ничего. Мои разведчики прощупали местность на десять миль вперёд. Никаких укреплений. Никаких засад. Никаких признаков армии. Только...

Она запнулась, подбирая слова.

— Только что? — нахмурился Аларик.

— Только поля, — закончила Моргана. — Бескрайние поля. Засеянные чем-то вроде подсолнухов. Они растут везде — насколько хватает глаз. И они... странные.

— Странные? — переспросил сэр Грегор, и в его голосе прозвучало презрение. — Цветы, говоришь? Ты хочешь сказать, что эти фермеры решили нас цветами остановить? — Он коротко, лающе рассмеялся, и его смех разнёсся над холмом, но тут же стих, встретив холодный взгляд Морганы.

— Я хочу сказать, — тихо, но твёрдо ответила она, — что эти «цветы» не реагируют на магическое сканирование. Что они блокируют сигналы. Что воздух над ними насыщен какой-то пылью, которая искажает заклинания. И что мои разведчики, которые пытались подойти к ним поближе, вернулись с сильной головной болью и жалобами на головокружение. Это не обычные растения, Грегор. Это что-то другое.

— Биологическое оружие, — тихо произнёс Элизиум, и в его голосе прозвучал интерес учёного, столкнувшегося с необычным феноменом. — Занятно. Я слышал, что на этом сервере есть некто, кого называют Агрономом. Говорят, он использует растения вместо мечей. Но я думал, это сказки.

— Не сказки, — мрачно ответила Моргана. — Я изуча-

ла досье. Этот Агроном — тот самый игрок, который в одиночку разгромил топ-гильдию «Ястребов». Который победил Пожирателя Данных. Который спас этот сервер от коллапса. Его методы... необычны. Но они работают.

— Работают против внутренних врагов, — отмахнулся Грегор. — Против дезорганизованных гильдий и багов. Но мы — не гильдия. Мы — армия. И нас не остановят никакие цветочки. Прикажите начинать штурм, лорд-командор. Мы пройдем через эти поля, как нож сквозь масло.

— Не спеши, — холодно ответил Аларик. — Я не для того привёл сюда три дивизии, чтобы потерять их в первый же день из-за самоуверенности. Моргана, продолжай разведку. Мне нужна информация. Карты. Данные о противнике. Я хочу знать, где находится этот Агроном и что он задумал. Элизиум, усили сканирование. Если цветы блокируют магию — найди способ обойти блокировку. Грегор, пусть твои люди отдыхают пока. Они нам понадобятся позже.

— А азиаты? — спросил Грегор. — Они уже начали выдвижение. Командующий Такахашаи запросил разрешение на атаку.

Аларик скривился, словно у него внезапно заболели зубы. Командующий Такахашаи, лидер Азиатской коалиции, был

его давним соперником. Номинально они считались союзниками, но на деле каждый из них мечтал о том, чтобы именно его армия водрузила флаг над центральным замком и получила титул победителя. Альянс был хрупким, державшимся лишь на том, что по одиночке они не смогли бы преодолеть защиту сервера.

— Скажи Такахаша, — медленно произнёс Аларик, — что я рекомендую ему воздержаться от необдуманных действий. Пусть сначала оценит обстановку.

— Он не слушает, — заметила Моргана. — Вы знаете его. Он считает, что осторожность — это проявление слабости.

— Знаю, — кивнул Аларик. — Именно поэтому я и сказал «рекомендую», а не «приказываю». Если он хочет действовать первым — пусть действует. Посмотрим, чем это обернётся. Возможно, его неудача даст нам ценную информацию о противнике. А возможно, — он усмехнулся краем губ, — она сократит список моих конкурентов.

Часть 2. Первое столкновение с чужим

Командующий Такахашаши не заставил себя ждать. Это был невысокий, жилистый мужчина с резкими, словно вырезанными из тёмного дерева чертами лица и глазами, в которых горел неуголимый, почти фанатичный огонь. Он происходил из древнего самурайского клана, и в его жилах, как он любил говорить, текла кровь воинов, никогда не знавших поражений. Его доспехи, лакированные и украшенные гербом клана — белой хризантемой на алом фоне, — были легче европейских, но не уступали им в прочности. Его меч-катана, выкованный легендарным мастером ещё в те времена, когда «Артара» только запускалась, считался одним из лучших клинков на всех серверах. И его характер — гордый, вспыльчивый, не терпящий возражений — был хорошо известен всем, кто с ним сталкивался.

Когда гонец от Аларика доставил «рекомендацию» воздержаться от атаки, Такахашаши сначала не поверил своим ушам. Потом расхохотался — резко, почти истерически, — и, оборвав смех, произнёс всего одно слово:

— Трус.

Его ближайшие помощники, стоявшие вокруг походного стола с разложенной на нём картой, переглянулись. Среди них были генерал пехоты Ямамото, пожилой, умудрённый опытом воин с седыми висками и спокойными, мудрыми глазами; командир ниндзя Ханзо, чьё лицо скрывала маска, а голос звучал как шёпот призрака; и маг-иллюзионист леди Юкико, чьи пальцы, унизанные кольцами, постоянно двигались, словно плетя невидимые нити заклинаний.

— Лорд Аларик боится цветов, — продолжал Такахаша, и в его голосе звучало презрение. — Он привёл три дивизии, големов и дирижабли, но боится каких-то подсолнухов. Это позор. Позор для всего европейского альянса. Но для нас это — возможность. Если мы ударим первыми и прорвём оборону, пока они будут раздумывать, честь победителя достанется нам. И титул. И власть над всеми серверами.

— Господин, — осторожно произнёс Ямамото, и в его голосе прозвучало почтение, смешанное с тревогой, — я тоже изучил досье на этого Агронома. Его тактика нетрадиционна. Он использует биологическое оружие. Растения-ловушки. Споры. Яды. Возможно, в предостережении лорда Аларика есть рациональное зерно.

— Рациональное зерно, — фыркнул Такахаша. — Ты

слишком стар, Ямамото. Ты видишь опасность там, где её нет. Цветы — это просто цветы. Да, возможно, они отравлены. Но у нас есть маги. У нас есть ниндзя. У нас есть воины, которые не боятся смерти. Мы пройдем через эти поля, и к вечеру я буду пить саке из черепа этого фермера.

Он повернулся к Ханзо.

— Ханзо. Твои ниндзя пойдут вперёд. Разведывают проходы. Найдут слабые места. Уничтожат всё, что попытается им помешать. Ты понял?

Ханзо молча кивнул и исчез — буквально растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкое колыхание теней. Такахаши одобрительно хмыкнул и повернулся к леди Юкико.

— Юкико. Твои иллюзии прикроют наступление. Создай мираж — пусть противник думает, что мы атакуем с севера. А мы ударим с востока.

— Будет исполнено, господин, — ответила Юкико, и её пальцы заплясали ещё быстрее, сплетая первые нити заклинания.

— Ямамото. Готовь пехоту. Мы выступаем через час.

Ямамото открыл было рот, чтобы возразить, но, встретив взгляд Такахаша, лишь молча поклонился и вышел. Он знал: спорить с командующим в таком настроении бесполезно. Гордость ослепляет сильнее любого заклинания, и Такахаша, при всех его талантах, был человеком гордым. Слишком гордым.

Через час авангард Азиатской коалиции начал выдвижение. Ниндзя Ханзо, невидимые и неслышимые, скользили впереди, словно тени, отбрасываемые несуществующим светом. За ними, на расстоянии прямой видимости, двигалась лёгкая пехота — воины в лакированных доспехах, вооружённые катанами и копьями-яри. Они шли быстро, но бесшумно, и их движения были отточены до автоматизма. За пехотой следовали маги Юкико, создававшие на флангах призрачные отряды — точные копии наступающих, способные обмануть даже опытного наблюдателя. И уже за ними, на некотором отдалении, двигался сам Такахаша со своей гвардией — элитными самураями, каждый из которых стоил в бою десятка обычных солдат.

Перед ними, насколько хватало глаз, простирались поля подсолнухов.

Это было странное, почти сюрреалистическое зрелище.

Гигантские, выше человеческого роста, цветы стояли плотной стеной, и их головы, размером с обеденную тарелку, были повернуты в одну сторону — на восток, откуда восходило солнце. Их лепестки, золотисто-жёлтые, казались почти настоящими, но при ближайшем рассмотрении можно было заметить, что они покрыты тончайшей, едва видимой глазу сетью прожилок, светящихся слабым, пульсирующим светом. Их стебли, толстые и мясистые, были усеяны крошечными шипами, и из этих шипов время от времени выступали капли липкой, маслянистой жидкости. А воздух вокруг них был насыщен лёгкой, почти неосязаемой взвесью — пылью, которая искрилась в лучах восходящего солнца и оседала на доспехах, оружии, лицах.

Наступающие замедлили шаг. Первыми почуяли неладное ниндзя. Ханзо, двигавшийся в авангарде, внезапно остановился и поднял руку, приказывая своим людям замереть. Его глаза, привыкшие к темноте и видевшие то, что недоступно обычному зрению, напряжённо вглядывались в бескрайнее море цветов. Что-то было не так. Что-то ускользало от понимания. Подсолнухи казались просто растениями — но в то же время они не были просто растениями. В их неподвижности было что-то... неестественное. Живое. Словно они не просто росли здесь — они ждали.

Один из молодых ниндзя, не удержавшись, приблизился

к ближайшему цветку и протянул руку, чтобы коснуться его лепестков. Ханзо хотел остановить его, но не успел. Палец ниндзя коснулся золотистой поверхности — и в тот же миг цветок дёрнулся. Не сильно — всего на несколько сантиметров, — но достаточно, чтобы опытный воин понял: растение отреагировало на прикосновение. Отреагировало осознанно. Как хищник, почуявший добычу.

Ниндзя отдёргнул руку и отступил на шаг. Его лицо, скрытое маской, не выражало ничего, но в глазах промелькнул страх.

— Докладывай, — коротко приказал Ханзо.

— Они... живые, — тихо ответил ниндзя. — Я не знаю, как это объяснить. Они не просто растения. Они чувствуют. Они реагируют. Мне кажется, они смотрят на нас.

Ханзо перевёл взгляд на бескрайнее море цветов и долго молчал. Потом медленно, очень медленно отступил назад и активировал магический амулет связи.

— Командующий, — произнёс он, и его голос, лишённый эмоций, прозвучал как-то особенно зловеще. — Я не рекомендую продолжать наступление.

Ответ Такахаша был предсказуем.

— Ты что, тоже боишься цветов, Ханзо? — раздался в амулете резкий, раздражённый голос. — Я не для того послал тебя вперёд, чтобы ты докладывал о своих страхах. Найди проход. Уничтожь препятствия. Выполняй приказ.

— Есть, — коротко ответил Ханзо и, отключив амулет, повернулся к своим людям. — Продолжаем движение. Держитесь на расстоянии от цветов. Ничего не трогайте. И молитесь своим богам.

Ниндзя двинулись вперёд, углубляясь в поле подсолнухов. И почти сразу начались проблемы.

Первым пострадал тот самый молодой ниндзя, который коснулся цветка. Он наступил на что-то мягкое, скрытое под слоем опавших лепестков, — и земля под его ногой взорвалась облаком зеленоватого дыма. Ниндзя закашлялся, схватился за горло, и его глаза, единственное, что было видно над маской, расширились от ужаса. Он попытался вдохнуть, но воздух, смешанный со спорами, обжёг лёгкие, и через несколько секунд он рухнул на землю, корчась в конвульсиях. Его товарищи бросились к нему, но Ханзо остановил их резким окриком.

— Не трогать! Это мина-поганка! Если наступите — будете так же корчиться. Обходите!

Ниндзя, повинуясь приказу, изменили маршрут, но это не помогло. «Колючка-слеза», рассеянная по полю невидимым ковром, вонзалась в подмётки сапог, причиняя острую, жгучую боль при каждом шаге. «Споры дезориентации», висевшие в воздухе, искажали интерфейс — карты вращались, компасы показывали не туда, индикаторы здоровья прыгали. Ниндзя, привыкшие полагаться на свои навыки и магическую поддержку, оказались в мире, где привычные ориентиры исчезли. Где нельзя было отличить север от юга, друга от врага, реальность от иллюзии. И в довершение всего — сами подсолнухи. Они поворачивали свои головы вслед за движущимися людьми. Медленно, почти незаметно, но неумолимо. И в их сердцевинах, там, где у обычных цветов находятся семена, начинал концентрироваться свет.

— Отходим! — скомандовал Ханзо, понимая, что дальше будет только хуже. — Отходим, быстро!

Но было поздно. Подсолнухи, словно получив беззвучный сигнал, синхронно повернули свои головы к отступающим ниндзя, и в их сердцевинах вспыхнули яркие, ослепительные точки. Секунда — и первый луч, тонкий и концентрированный, словно лазер, ударил в спину одного из воинов.

Тот вскрикнул и упал, хватаясь за обожжённое плечо. Второй луч — и ещё один ниндзя рухнул на землю. Третий, четвёртый, пятый — и вот уже всё поле превратилось в смертельную ловушку, из которой почти невозможно было выбраться.

Ханзо, прикрываясь телом павшего товарища, отступал к краю поля. Его лицо, скрытое маской, было искажено яростью и страхом. Он видел, как его лучшие люди — элита, гордость клана, — гибнут от каких-то цветов. Не от мечей. Не от заклинаний. От проклятых подсолнухов. Это было не поражение. Это было унижение.

К тому моменту, когда остатки отряда ниндзя выбрались из поля, от двадцати человек осталось только семеро. Все они были покрыты ожогами, царапинами и липкой пылью. Их глаза, обычно холодные и бесстрастные, выражали сейчас только одно чувство — ужас. Ужас перед тем, что они только что пережили.

Такахаша, наблюдавший за разгромом своего авангарда издалека, побледнел. Его рука, сжимавшая рукоять катаны, дрожала от ярости. Он ожидал чего угодно — засад, магических ловушек, отрядов противника, — но не этого. Не того, что какие-то растения, которые он считал безобидными сорняками, уничтожат его лучших воинов за считанные ми-

нуты.

— Отзовите атаку, — тихо произнёс Ямамото, стоявший рядом. Его голос был спокоен, но в нём звучала горечь. — Мы не готовы к этому. Нужно дождаться данных разведки. Нужно понять, с чем мы имеем дело.

— Отзовите, — эхом отозвался Такахаши, и его голос прозвучал глухо, словно из-под земли. — Да. Отзовите. Мы... мы перегруппируемся.

Но в его глазах, когда он поворачивался к своему штабу, горел огонь не смирения — а холодной, расчётливой ярости. Он не проиграл. Он просто недооценил противника. И теперь он найдёт способ победить. Чего бы это ни стоило.

Часть 3. Наблюдатели

На командном пункте «Колхоза», замаскированном в одной из теплиц на восточной линии обороны, царила сосредоточенная тишина. Несколько магических кристаллов, вставленных в каменные ниши, заливали помещение холодным, голубоватым светом, и в этом свете лица собравшихся казались бледными и напряжёнными. Иван Петрович сидел в центре, на грубо сколоченном табурете, опираясь на свою неизменную сапку. Его глаза, покрасневшие от недосыпа, были прикованы к большой магической проекции, занимавшей всю центральную стену. Проекция транслировала изображение с «Глаз-травы», расставленной по всей линии обороны, и на ней сейчас отчётливо было видно, как остатки отряда ниндзя в панике отступают через поле подсолнухов, преследуемые солнечными лучами.

Рядом с ним сидела Whisper, закутавшись в свой неизменный старый плащ. Её глаза были закрыты, но лицо выражало глубокую, почти медитативную сосредоточенность. Она «слушала» поле боя — «песни» умирающих воинов, «песни» активированных растений, «песню» самой земли, которая реагировала на вторжение чужаков. И то, что она слышала, заставляло её сердце биться чаще, но не от страха — скорее от мрачного удовлетворения. Земля защищала себя.

Земля сражалась.

Эйнар, стоявший у проекции, докладывал обстановку. Его голос, сухой и бесстрастный, звучал как обычно, но те, кто знал его достаточно хорошо, видели: он напряжён. Не напуган — именно напряжён. Как тетива лука перед выстрелом.

— Первая атака отбита, — говорил он, указывая на проекцию. — Противник потерял около тридцати человек убитыми и ранеными. В основном — ниндзя. Тяжёлая пехота и големы в бой не вступали. Противник перегруппировывается. Судя по всему, они не ожидали такого отпора.

— Не ожидали, — тихо подтвердил Иван Петрович, и в его голосе прозвучала мрачная усмешка. — Они думали, что мы встретим их с мечами и заклинаниями. Они готовились к обычной войне. А мы им — подсолнухи.

— Надолго ли это их задержит? — спросил Кривой Нож, стоявший рядом с проекцией. Его лицо, обычно весёлое и беззаботное, сейчас было непривычно серьёзным. — Ну, подсолнухи — это круто, конечно. Но они же не могут остановить целую армию. У них есть маги. Они найдут способ обойти поля. Или выжечь их.

— Найдут, — согласился Иван Петрович. — Но не сразу. Для этого им нужно время. Время, чтобы понять, с чем они столкнулись. Время, чтобы разработать контрмеры. Время, чтобы перегруппироваться. И каждый час, который они потратят на это, — это час, который мы используем для подготовки. Для минирования новых полей. Для укрепления второй линии. Для эвакуации гражданских.

Он поднялся с табурета и подошёл к проекции.

— Смотри сюда, — сказал он, указывая на северный сектор поля. — Видишь этих магов? Они пытаются сканировать местность. Но споры «Поющей травы» создают помехи. Их сканирование неэффективно. Они видят только то, что мы хотим им показать. А мы показываем им то, что заставит их бояться.

— И что же мы им показываем? — спросил Лиам, который только что вошёл в теплицу и занял своё место у дальней стены.

— Тишину, — ответил Иван Петрович. — Пустоту. Бескрайние поля, на которых ничего нет. Это страшнее любой армии. Потому что армию можно победить. А неизвестность — нельзя. Они будут ждать удара. Они будут нервничать. Они будут спорить между собой. И это — наше оружие. Ору-

жие психологии. Оружие терпения.

Он повернулся к Whisper.

— Что ты слышишь, внучка?

Whisper помолчала, прислушиваясь. Её лицо, бледное и тонкое, выражало сосредоточенность.

— Они напуганы, — тихо произнесла она наконец. — Не все. Командиры ещё держатся. Но рядовые солдаты... они не ожидали такого. Они думали, что война — это слава и добыча. А теперь они видят, как их товарищи умирают от цветов. Их «песни» полны страха. И злобы. Но больше страха.

— Хорошо, — кивнул Иван Петрович. — Страх — это хорошо. Страх заставляет ошибаться. А ошибки — это потери. А потери — это деморализация. А деморализованная армия не воюет. Она ждёт.

— Но если они поймут, что бояться нечего? — спросил Эйнар. — Если они найдут способ нейтрализовать наши ловушки?

— Тогда мы покажем им, что бояться есть чего, — спокойно ответил Иван Петрович. — У нас есть ещё много сюр-

призов. «Ежи». «Стены Плоти». «Гнилой Картофель». Но всё это — позже. Сейчас наша задача — не победить их. Сейчас наша задача — заставить их бояться. Заставить их сомневаться. Заставить их тратить время. Потому что время — их главный враг. И наш главный союзник.

Он снова повернулся к проекции и долго смотрел на замершие в нерешительности вражеские колонны. Потом тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Добро пожаловать в ад, господа захватчики. Вы думали, что пришли на лёгкую прогулку. Что ж, мы вам покажем, как выглядят настоящие прогулки.

Часть 4. Европейцы ждут

Пока азиатская коалиция зализывала раны после неудачной атаки, европейский альянс занимал выжидательную позицию. Лорд-командор Аларик, получив донесения о разгроме отряда ниндзя, не выразил ни удивления, ни злорадства. Он лишь кивнул, словно подтверждая какие-то свои внутренние выводы, и отдал приказ усилить разведку.

— Я же говорил, — тихо произнёс он, обращаясь к сэру Грегору, который стоял рядом и с мрачным видом наблюдал за происходящим. — Эти «цветочки» — не просто цветочки. Это оружие. А оружие нужно изучать, прежде чем атаковать.

— И что же мы будем делать? — спросил Грегор, и в его голосе прозвучало нетерпение. — Сидеть и ждать, пока они сами сдохнут? У нас три дивизии, големы, маги, дирижабли! Мы можем просто обстрелять эти поля из катапульт! Сжечь их дотла!

— И что это даст? — возразил Аларик. — Мы потратим боеприпасы. Мы поднимем тучи пепла и дыма, которые закроют обзор. Мы отравим воздух, которым дышат наши же солдаты. А противник — если он действительно так умен,

как говорят, — просто отойдёт на вторую линию обороны. И нам снова придётся начинать всё сначала.

Он покачал головой.

— Нет, Грегор. Война — это не просто грубая сила. Война — это информация. Тот, кто владеет информацией, владеет полем боя. А мы сейчас не владем ничем. Мы не знаем, с кем воюем. Мы не знаем, где находится противник. Мы не знаем, какие ловушки он приготовил. И пока мы этого не узнаем — мы не сдвинемся с места.

— Но Такахаша уже атаковал! — возразил Грегор. — Если мы будем медлить, он может прорваться первым! И тогда вся слава достанется ему!

— Такахаша атаковал, — холодно ответил Аларик, — и потерял тридцать человек за десять минут. Если он продолжит в том же духе — к вечеру у него не останется армии. А слава, Грегор, нужна живым. Мёртвым она не нужна.

Он повернулся к леди Моргане, которая всё это время стояла молча, скрестив руки на груди.

— Что слышно от разведчиков? Ты отправила новую группу?

— Отправила, — ответила Моргана. — На этот раз не в поле. Мы нашли обходной путь через старые холмы на севере. Там меньше цветов. Возможно, удастся прощупать фланг противника.

— Хорошо. Пусть действуют осторожно. Мне не нужны новые потери. Мне нужна информация. И ещё, — добавил он, — свяжись с Такахаши. Передай ему мои... соболезнования. И предложи помощь. Пусть думает, что мы на его стороне.

— А мы на его стороне? — уточнила Моргана.

— Мы на своей стороне, — ответил Аларик. — Всегда. Запомни это.

Часть 5. Тишина перед бурей

Ночь опустилась на восточные равнины. Солнце, багровое и огромное, медленно скрылось за холмами, и небо над полями подсолнухов окрасилось в тревожные, тёмно-красные тона. Ветра не было. Тишина стояла такая глубокая, что, казалось, сама земля затаила дыхание. Затаилась. Ждала.

В лагере «Колхоза» не спали. Работы продолжались — люди укрепляли вторую линию обороны, перевозили боеприпасы, готовили новые «посевные наборы». Но темп работ был уже не таким лихорадочным, как накануне. Первая атака отбита. Первый день войны прожит. И хотя все понимали, что это только начало, — сегодня, в эту ночь, у них была маленькая, но такая важная победа.

Иван Петрович сидел на своём излюбленном месте — обломке старого жернова, — и смотрел на Чёрный Цветок. Цветок пульсировал своим обычным, тёмно-багровым светом, и в его пульсации было что-то успокаивающее. Рядом с ним, на земле, сидела Whisper.

— Первый день закончился, — тихо произнёс Иван Петрович. — Они попробовали нашу землю на вкус. И им не понравилось.

— Они вернутся, — так же тихо ответила Whisper. — Завтра. Или послезавтра. Они найдут способ. Они сильнее.

— Сильнее, — согласился Иван Петрович. — Но не умнее. И пока это так — у нас есть шанс.

Он помолчал, глядя на звёзды, и добавил:

— Знаешь, что я понял за свою жизнь? Война — это не про силу. Война — это про волю. Про то, кто кого перетерпит. Кто кого переждёт. Кто кого переборет не мечом, а духом. И я знаю: мои люди не сдадутся. Потому что они сражаются за свой дом. А дом — это не стены. Дом — это земля. И пока у нас есть земля — мы непобедимы.

Он поднялся и, опираясь на сапку, зашагал к своему шалашу. За его спиной, в темноте, продолжали пульсировать подсолнухи — молчаливые, грозные, готовые к бою. И те, кто видел их в эту ночь, запоминали это зрелище на всю жизнь. Потому что это было не просто зрелище. Это было обещание. Обещание того, что этот сервер не сдастся без боя. Что эта земля будет сражаться за своих детей.

И горе тому, кто попытается их сломить.

Конец главы.

Глава 2. Солнечный удар

Часть 1. Перед рассветом

Ночь над восточными равнинами умирала медленно и неохотно, словно сама тьма боялась отступить перед тем, что должно было произойти с первыми лучами солнца. Звёзды, ещё час назад рассыпанные по небу, как семена из дырявого мешка, гасли одна за другой, поглощаемые серым, предрассветным маревом. Ветра не было. Тишина стояла такая глубокая, что, казалось, сама земля затаила дыхание. Затаилась. Ждала.

В штабной теплице, замаскированной среди десятков таких же строений на восточной линии обороны, горели магические кристаллы. Их холодный, голубоватый свет выхватывал из темноты лица собравшихся — усталые, напряжённые, покрытые тенями, которые делали их старше и суровее, чем они были на самом деле. Иван Петрович сидел во главе грубо сколоченного стола, опираясь на свою неизменную сапку. Его глаза, покрасневшие от недосыпа, были прикованы к большой магической проекции, занимавшей всю центральную стену. Проекция транслировала изображение с «Глаз-травы», расставленной по всему периметру, и на ней сейчас отчётливо было видно, как в сером предрассветном мареве медленно, но неумолимо перемещаются тёмные массы вражеских войск.

Рядом с ним сидела Whisper, закутавшись в свой неизменный старый плащ. Её глаза, как всегда, были закрыты, но лицо выражало предельную сосредоточенность. Она «слушала» — и то, что она слышала, заставляло её сердце биться чаще. Не от страха — от напряжения. От понимания того, что сегодняшний день станет переломным. Либо они докажут, что их оборона способна выдержать удар объединённой армии, либо... либо всё закончится здесь и сейчас.

— Движение в секторах три, четыре и пять, — докладывал Эйнар, стоявший у проекции с командирским планшетом в руках. Его голос, сухой и бесстрастный, звучал как обычно, но те, кто знал его достаточно хорошо, видели: он напряжён. Не напуган — именно напряжён. Как тетива лука перед выстрелом. — Европейцы выдвигают тяжёлую пехоту. Три полные дивизии. Первая — на острие атаки, вторая — резерв, третья — фланговое прикрытие. Кроме того, разведка докладывает о големах. Не менее двух десятков. Они идут в авангарде.

— Големы, — тихо произнёс Иван Петрович, и в его голосе не было удивления. Только мрачное удовлетворение человека, который предвидел этот ход. — Значит, Аларик решил не повторять ошибок Такахаша. Не будет посылать живых солдат на наши минные поля. Вместо этого пошлёт ка-

менных истуканов, которые не боятся ни «Поганок», ни «Колючки», ни спор.

— Именно, — подтвердил Эйнар. — Големы неуязвимы для химического оружия. У них нет дыхания. Нет кожи. Нет нервной системы. Они просто идут вперёд, сминая всё на своём пути. «Стена Плоти» их не удержит. «Ежи» не пробыют их каменную шкуру. Единственное, что может их остановить, — это магия разрушения. Или... — он запнулся, глядя на Ивана Петровича.

— Или солнце, — закончил за него старик.

В теплице повисла тишина. Все — Эйнар, Кривой Нож, Лиам, несколько командиров отрядов, присутствовавших на совещании — посмотрели на старика. Он сидел, опираясь на сапку, и его лицо, изрезанное морщинами, было непроницаемым. Но в глазах горел тот самый холодный, расчётливый огонёк, который всегда появлялся, когда он говорил о вещах, которые ему самому не нравились, но которые были необходимы.

— Солнце, — повторил он. — Подсолнухи. То, что мы сажали последние три недели. То, над чем я работал в лаборатории дни и ночи. То, что должно было стать нашим главным сюрпризом. Что ж, — он поднялся с табурета и подошёл

к проекции, — похоже, время сюрпризов настало.

Он повернулся к Whisper.

— Внучка, ты слышишь их? Подсолнухи? Они готовы?

Whisper помолчала, прислушиваясь. Её лицо, бледное и тонкое, было сосредоточенным. Она «смотрела» не на проекцию — она «смотрела» вглубь, туда, где безмолвные голоса растений сливались в единую, сложную симфонию.

— Готовы, — тихо ответила она наконец. — Они ждут. Они чувствуют приближение врага. Их «песня» полна... предвкушения. Не злобы — именно предвкушения. Как будто они знают, что сегодня их час настал.

— Хорошо, — кивнул Иван Петрович. — Очень хорошо.

Он повернулся к командирам.

— Значит, так. Слушайте приказ. С рассветом, как только солнце поднимется над холмами, мы активируем протокол «Солнечный удар». Всем отрядам на передовой — отойти за вторую линию подсолнухов. Никаких атак. Никаких вылазок. Только наблюдение и корректировка. Всю работу делают цветы.

— А если облака? — спросил Кривой Нож, и в его голосе прозвучала тревога. — Если небо затянет? Подсолнухам нужен прямой солнечный свет. Без него они — просто большие ромашки.

— Верно подмечено, — усмехнулся Иван Петрович. — Поэтому мы не будем ждать, пока они сами решат закрыть небо. Мы их опередим. Смотри сюда.

Он указал на карту.

— Вот здесь, на флангах, у нас спрятаны «Поющие травы» с усиленным резонансом. Если вражеские маги попытаются вызвать тучи, мы активируем резонаторы. Звуковая волна рассеет облака, по крайней мере, на время. Кроме того, — он повернулся к Лиаму, — ты подготовил отражатели?

Лиам вытянулся по стойке смирно.

— Так точно, господин Агроном. Восемьдесят штук, как вы приказали. Расставлены по всей линии, замаскированы под обычные тепличные щиты. Когда солнце поднимется, они усилят поток света в полтора-два раза. Подсолнухи смогут концентрировать его даже при лёгкой облачности.

— Отлично, — кивнул Иван Петрович. — Тогда слушайте боевой расклад.

Он взял со стола уголёк и начал чертить прямо на проекции, поверх изображения вражеских позиций.

— Первая фаза — провокация. Мы даём големам углубиться в зону поражения. Пусть они думают, что мы бессильны против них. Пусть они увлекутся. Пусть подтянут пехоту поближе. Когда они окажутся в центре поля — вот здесь, между секторами четыре и пять, — мы наносим удар. Одновременно. Всеми подсолнухами. Концентрированный солнечный свет в фокусе линз прожигает камень, плавит сталь и воспламеняет дерево. Големы, которые не боятся яда, не устоят перед жаром в несколько тысяч градусов.

Он обвёл взглядом командиров.

— Вторая фаза — преследование. Когда големы начнут разрушаться, а пехота — в панике отступать, мы не даём им уйти. Подсолнухи продолжают бить по отступающим. «Ежи» открывают огонь по флангам. «Цепкий плющ» удерживает тех, кто попытается бежать. Задача — не просто отбить атаку. Задача — нанести максимальный урон. Чтобы они запомнили этот день. Чтобы они прокляли тот час, когда решили ступить на нашу землю.

Он замолчал и обвёл взглядом собравшихся. Их лица были мрачными, но решительными.

— Вопросы?

Вопросов было много. Эйнар уточнил детали корректировки огня. Кривой Нож спросил, что делать, если вражеские маги начнут бить по подсолнухам прицельно. Лиам поинтересовался, как быть с возможным обходным манёвром через северные холмы. Иван Петрович отвечал терпеливо и подробно, и с каждой минутой лица командиров становились всё более уверенными. Они начинали понимать: предстоящий бой — не безумная авантюра. Это план. Продуманный, выстраданный, может быть, рискованный — но план.

Когда вопросы закончились и командиры начали расходиться по своим позициям, Иван Петрович задержался у проекции. Рядом с ним, как всегда, была Whisper. Она сидела на корточках у стены, и её лицо, обращённое к востоку, выражало глубокую, почти медитативную сосредоточенность.

— Ты боишься? — тихо спросила она, не открывая глаз.

— Боюсь, — честно ответил Иван Петрович. — Не за се-

бя. За них. За всех, кто стоит сейчас на передовой. За тех, кто погибнет сегодня. Потому что без потерь не обойдётся. Мы отбивали атаки и раньше, но сегодня — другое. Сегодня они бросят на нас всё, что у них есть. Големов. Магов. Тяжёлую пехоту. Если мы выстоим — мы докажем, что нашу землю нельзя взять силой. Если нет...

Он не договорил. Whisper поднялась и подошла к нему. Её ладонь, маленькая и холодная, коснулась его руки.

— Ты не боишься за себя, — повторила она. — Но ты боишься за них. Это хорошо. Это значит, что ты ещё жив. Что ты ещё чувствуешь. Что ты не превратился в машину для войны. И пока это так — мы непобедимы. Потому что машину можно сломать. А человека, который любит, — нет.

Иван Петрович ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на восток, где серое предрассветное небо начинало медленно, очень медленно наливаться алым. Там, за холмами, уже строились в боевые порядки армии вторжения. Уже выдвигались големы. Уже готовили заклинания маги. Уже точились мечи. Война приближалась. Неотвратимая. Грозная. Страшная.

Но сегодня — сегодня у него было оружие. Оружие, которое он создал своими руками. Оружие, которое не убивало,

а защищало. Оружие, которое не разрушало, а отражало. И он был готов использовать его. До конца.

Часть 2. Каменный кулак

На командном холме европейского альянса, что возвышался над восточной равниной на добрых тридцать метров, царила деловая суета. Адъютанты сновали туда-сюда с доносениями. Связные активировали магические амулеты, передавая приказы в отдалённые сектора. Маги-метеорологи, стоявшие особняком, вглядывались в предрассветное небо и что-то тихо обсуждали между собой. А в центре, у массивного походного стола, за которым в обычное время пировали бы генералы, сейчас склонились над картами четверо — те, кто держал в своих руках судьбу всего вторжения.

Лорд-командор Аларик был, как всегда, безупречен. Его доспехи из драконьей стали, отполированные до зеркального блеска, отражали холодный свет магических кристаллов, установленных по периметру командного пункта. Его алый плащ, ниспадавший с плеч тяжёлыми складками, был безукоризненно чист, несмотря на то что утро ещё даже не наступило. Его лицо, обветренное и покрытое шрамами, выражало спокойную, почти надменную уверенность. Он уже видел десятки войн. Он знал, что паника убивает быстрее меча. И он не собирался поддаваться панике — даже после того, как вчерашняя атака азиатов захлебнулась в крови и спорах.

Рядом с ним стоял сэр Грегор, генерал тяжёлой пехоты. Это был огромный, как медведь, мужчина, закованный в броню, делавшую его похожим на ходячую крепость. Его лицо, покрытое густой сетью шрамов, выражало мрачное нетерпение. Он был воином до мозга костей и не любил ждать. Ждать, пока враг сам себя выдаст. Ждать, пока маги закончат свои бесконечные расчёты. Ждать, пока командующий примет решение. Ему хотелось действовать. Немедленно. Сейчас.

— Докладывайте, — коротко приказал Аларик, не отрывая взгляда от карты.

Первым заговорил мастер-маг Элизиум. Это был худой, бледный, как смерть, человек с длинными, тонкими пальцами, унизированными кольцами, и глазами, которые, казалось, видели не мир, а магические потоки, пронизывавшие его. Его посох, увенчанный чёрным кристаллом размером с кулак, пульсировал в такт биению его сердца.

— Разведка завершена, лорд-командор, — произнёс он, и его голос, тихий и бесстрастный, прозвучал в утренней тишине как-то особенно зловеще. — Мы просканировали поле боя на глубину до трёх миль. Результаты неутешительны.

— Конкретно, — потребовал Аларик.

— Конкретно — поля насыщены неизвестными магическими организмами, — продолжал Элизиум. — Те самые «цветы», о которых докладывала леди Моргана. Они не просто растения. Они... активны. Их магическая сигнатура напоминает заклинания концентрации света, но природа этой магии нам неизвестна. Она не похожа ни на одну из известных школ. Это что-то среднее между друидизмом и артефакторикой. Живые линзы, если хотите. Кроме того, воздух над полем насыщен спорами, которые искажают сканирующие заклинания. Мы видим только то, что они хотят нам показать. А хотят они показать... ничего. Пустоту.

— Пустоту? — переспросил сэр Грегор, и в его голосе прозвучало презрение. — Ты хочешь сказать, что мы вслепую идём в бой против цветочков?

— Я хочу сказать, — холодно ответил Элизиум, — что противник грамотно использует маскировку. Мы не видим ни укреплений, ни армии, ни командных пунктов. Только поля. Бескрайние поля. Засеянные подсолнухами и ещё чем-то, что я пока не могу идентифицировать. Но я уверен в одном: это ловушка.

— Ловушка, — задумчиво повторил Аларик. — Что ж, мы знали, что легко не будет. Но ловушка работает только

тогда, когда ты в неё попадаешь. А мы не попадём.

Он повернулся к сэру Грегору.

— Грегор. Твои големы готовы?

Грегор выпрямился, и его лицо озарилось мрачным удовлетворением. Вот оно — то, чего он ждал. Действие.

— Готовы, лорд-командор. Двадцать четыре единицы. Полностью заряжены. Защитные руны активированы. Осадные шары при них.

— Хорошо, — кивнул Аларик. — Тогда слушай приказ. Големы идут в авангарде. Они прокладывают дорогу через эти проклятые поля. Сминают всё, что попытается им помешать. Мины, ловушки, растения — всё, что встретится на пути. Их задача — пробить коридор для пехоты. Никаких остановок. Никаких колебаний. Просто идти вперёд и крушить. Понял?

— Понял, — рявкнул Грегор, и в его голосе прозвучал почти звериный рык. — Мои ребята сметут эти цветочки к чёртовой матери!

— Не спеши, — остановил его Аларик. — Пехота идёт

за големами, но не вплотную. Держать дистанцию в сто метров. Если големы попадут в ловушку — пехота не должна пострадать. Если они прорвутся — пехота заходит в прорыв и развивает успех. Маги, — он повернулся к Элизиуму, — обеспечивают прикрытие с воздуха. Два круга: первый — защитные щиты от возможных ответных заклинаний, второй — подавление. Если противник попытается атаковать големов магией, ваша задача — нейтрализовать эту магию.

— Будет исполнено, — кивнул Элизиум.

— И ещё, — добавил Аларик, и его голос стал тише, но твёрже. — Никакой самодеятельности. Никаких необдуманных атак. Мы действуем методично. Шаг за шагом. Мы не знаем, на что способен этот Агроном. Но мы знаем, на что способны мы. И если мы будем действовать по плану — никакие цветы нас не остановят.

Грегор козырнул и начал спускаться с холма, отдавая приказы своим командирам. Элизиум задержался на мгновение, глядя на Аларика.

— Ты действительно веришь, что големы пробьют оборону? — тихо спросил он.

Аларик долго молчал, глядя на восток, где медленно,

очень медленно начинало светлеть небо.

— Я верю, — ответил он наконец, — что у нас нет выбора. Мы пришли сюда за победой. И если для этой победы нужно пожертвовать парой големов — я пожертвую ими. Но пехоту я терять не намерен. По крайней мере, не сегодня. Посмотрим, что эти цветы смогут противопоставить каменному кулаку.

Тем временем на позициях тяжёлой пехоты царило оживление. Рыцари в полном латном облачении выстраивались в шеренги, плечом к плечу, и их доспехи, отполированные до зеркального блеска, отражали первые, ещё робкие лучи восходящего солнца. На плечах и нагрудниках красовались гербы — скрещённые мечи, драконы, короны, — и разнообразие этих гербов говорило о том, что армия вторжения состояла не из одной гильдии, а из целого альянса. Но сейчас, перед лицом общего врага, все разногласия были забыты. Эти люди пришли сюда не за славой — за победой. И они были готовы заплатить за неё любую цену.

Големы стояли впереди, возвышаясь над шеренгами пехоты, как башни над крепостными стенами. Это были гигантские, втрое выше человеческого роста, каменные изваяния, грубо вытесанные, но излучавшие невероятную, первобытную мощь. Их глаза, глубоко посаженные в каменных глаз-

ницах, горели багровым огнём — признак того, что руны активированы и големы готовы к бою. Их руки, размером с телегу, могли крушить стены, а ноги, толщиной с вековые дубы, оставляли в земле глубокие вмятины при каждом шаге. Каждый голем тащил за собой на цепях огромные металлические шары, утыканные шипами — осадные орудия ближнего боя. И каждый из них, казалось, ждал только приказа, чтобы начать крушить и убивать.

Сэр Грегор обходил строй големов, лично проверяя каждого. Он останавливался, клал руку на каменную грудь исполина, прислушивался к гулу магических рун, работавших внутри, и удовлетворённо кивал. Затем он повернулся к своим людям — к тем, кто будет идти за големами.

— Солдаты! — его голос, усиленный командными навыками, разнёсся над шеренгами. — Вы знаете, зачем мы здесь. Вы знаете, что нам противостоит. Какие-то фермеры. Какие-то цветочки. Какие-то жалкие ловушки. Но вы — не фермеры. Вы — лучшие воины Европы. Вы прошли через десятки серверов и ни разу не знали поражения. И сегодня, когда солнце взойдёт над этими проклятыми полями, вы снова докажете, что достойны своих гербов. Вы пройдёте через эти цветы, как нож сквозь масло. Вы возьмёте этот замок — или то, что эти дикари называют замком. И вы водрузите над ним наше знамя. За мной! За альянс! За победу!

Шеренги взревели. Сотни глоток исторгли боевой клич, который разнёсся над равниной и был слышен за много миль. Големы, словно отозвавшись на этот крик, зашевелились. Их каменные конечности пришли в движение, и земля задрожала под их поступью. Металлические шары, которые они тащили за собой на цепях, загрохотали, поднимая тучи пыли и пепла. Армия вторжения начала выдвижение.

Часть 3. Первое касание

Солнце наконец показалось над восточными холмами. Его лучи, ещё неяркие, окрасили небо в розовато-золотистые тона, и в этом свете поля подсолнухов, простиравшиеся до самого горизонта, казались почти мирными. Почти красивыми. Почти безобидными. Огромные, выше человеческого роста, цветы стояли плотной стеной, и их головы, размером с обеденную тарелку, были повернуты в одну сторону — на восток, откуда всходило солнце. Их лепестки, золотисто-жёлтые, блестели от утренней росы, и в лучах восходящего солнца они казались сделанными из чистого золота. Ветер, лёгкий и тёплый, пробежал по полю, и цветы слегка покачивались, словно перешёптываясь друг с другом. Никто, глядя на это зрелище, не мог заподозрить, что эти прекрасные создания таят в себе смертельную угрозу.

Но те, кто знал, — знали. И они ждали.

На командном пункте «Колхоза», замаскированном в одной из теплиц, Иван Петрович наблюдал за выдвижением врага через магическую проекцию. Рядом с ним стояли Whisper, Эйнар, Кривой Нож и Лиам. Все молчали. Говорить было не о чем. Всё, что можно было сказать, уже было сказано. Оставалось только ждать.

— Пошли, — тихо произнёс Эйнар, когда первые големы вступили на заминированное поле.

Иван Петрович кивнул, не отрывая взгляда от проекции.

Големы шли медленно, но неумолимо. Их каменные ноги опускались на землю с глухим, утробным гулом, который был слышен за много миль. Под их тяжестью «Поганки-замедлители», которыми было усеяно всё поле, лопались, выпуская облака зеленоватого дыма. Споры «Гнилого Картофеля» оседали на каменную плоть, пытаясь проникнуть вглубь, но големам было всё равно. У них не было дыхания. Не было кожи. Не было нервной системы. Они были машинами для разрушения, и никакой яд не мог их остановить.

«Колючка-слеза», рассеянная по полю невидимым ковром, вонзалась в каменные подошвы големов и ломалась с тихим хрустом, не причиняя им ни малейшего вреда. «Цепкий плющ», высаженный по всему периметру, пытался опутать им ноги, но големы с лёгкостью вырывали его из земли и шли дальше, оставляя за собой глубокие борозды. «Стена Плоти» — тот самый колючий кустарник, который должен был стать серьёзным препятствием для пехоты, — для големов был не более чем путаницей веток. Они просто проходили сквозь него, ломая стебли и вырывая их с корнем.

Сэр Грегор, наблюдавший за продвижением с безопасного расстояния, удовлетворённо хмыкнул.

— Отлично, — пробормотал он себе под нос. — Пусть попробуют нас остановить.

За големами, на расстоянии примерно ста метров, двигалась тяжёлая пехота. Рыцари в полном латном облачении шли ровными шеренгами, прикрываясь щитами от возможных атак. Их шаги, сливаясь в единый ритм, создавали низкий, утробный гул, который добавлялся к гулу шагов големов, и от этого казалось, что сама земля стонет под тяжестью наступающей армии. За пехотой следовали арбалетчики и лучники, держа оружие наготове. За ними — маги, которые непрерывно сканировали пространство и поддерживали защитные щиты. И над всем этим, на небольшой высоте, зависли дирижабли — три огромных, похожих на скатов, воздушных корабля, с палуб которых маги-наводчики высматривали цели для своих баллист и катапульт.

Это была демонстрация силы. Грубой, подавляющей, несокрушимой силы. И она должна была сломить дух защитников ещё до того, как начнётся настоящий бой.

Но защитники не собирались сдаваться.

— Они вошли в зону поражения, — тихо произнесла Whisper, и её голос прозвучал в тишине командного пункта как приговор.

Иван Петрович кивнул. Его рука, сжимавшая черенок сапки, побелела от напряжения.

— Активировать протокол «Солнечный удар», — произнёс он, и в его голосе прозвучала та самая сталь, которую все они так хорошо знали. — Всем подсолнухам — полная концентрация. Пусть почувствуют, что такое настоящая война.

Часть 4. Солнечный удар

Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы его лучи начали припекать. Над полем, там, где только что прошли големы, висела лёгкая дымка — смесь пыли, пепла и остатков спор. Воздух, нагретый первыми лучами, струился и дрожал, создавая миражи. И среди этих миражей, среди бескрайнего моря золотистых цветов, началось нечто необычное.

Сначала это было почти незаметно. Лёгкое движение. словно ветер подул чуть сильнее. Но ветра не было. А подсолнухи — тысячи, десятки тысяч подсолнухов — начали поворачивать свои головы. Не к солнцу. К врагу.

Их сердцевины, тёмные и круглые, напоминавшие зрачки гигантских глаз, уставились на наступающую армию. Лепестки, до того свободно колыхавшиеся на стеблях, начали поджиматься, формируя некое подобие воронки. И в глубине этих воронок начал концентрироваться свет.

Это было странное, завораживающее зрелище. Казалось, будто каждый цветок втягивает в себя солнечные лучи, собирает их, фокусирует в одной точке. В сердцевинах подсолнухов загорались крошечные, но невероятно яркие точки — словно звёзды спустились с небес на землю. И эти точки

пульсировали, накапливая энергию, готовясь к броску.

Големы, не замечавшие ничего необычного, продолжали идти вперёд. Их багровые глаза-руны сканировали пространство, но подсолнухи не излучали магии в привычном понимании этого слова. Они просто накапливали свет. Естественный, природный свет, который не поддавался магическому обнаружению. И когда этот свет наконец вырвался наружу — было уже поздно.

Первый луч ударил в грудь головного голема. Это был тонкий, но невероятно концентрированный поток света — такой яркий, что на него было больно смотреть. Он прорезал воздух с тихим, звенящим звуком и вонзился в каменную плоть исполина. В первые мгновения ничего не произошло. Голем даже не замедлил шаг. Но затем камень в месте попадания начал раскаляться. Сначала докрасна. Потом добела. По поверхности поползли трещины, из которых вырывались струйки пара — это испарялась влага, заключённая в порах гранита. Магические руны, поддерживавшие жизнь в големе, взвыли от перегрузки, пытаясь компенсировать нагрев, но тщетно. Поток света был слишком мощным. Слишком концентрированным. Слишком непрерывным.

Голем замер. Его каменная грудь, там, куда бил луч, начала плавиться. Гранит превращался в лаву, которая стекала

вниз, прожигая новые дыры в теле исполина. Одна из рун, не выдержав перегрузки, взорвалась с оглушительным треском, и голема качнуло. Ещё секунда — и его правая рука, та самая, что держала цепь с осадным шаром, отвалилась и рухнула на землю, подняв тучу пыли. А луч всё бил и бил, прожигая грудь насквозь, и вот уже в теле голема образовалась сквозная дыра, через которую было видно небо.

Голем рухнул. Его падение было медленным и величественным, как падение башни. Земля содрогнулась от удара, и туча пыли и пепла взметнулась в воздух, накрыв ближайших рыцарей, которые шли за ним. А на месте, где только что стоял несокрушимый каменный исполин, теперь лежала груда оплавленного, дымящегося щебня.

И это был только первый луч.

Второй голем получил удар в голову. Луч прожёл его каменный череп насквозь, и руны, поддерживавшие зрение и координацию, погасли мгновенно. Голем закружился на месте, потеряв ориентацию, и начал беспорядочно махать уцелевшей рукой, снося своих же. Рыцари, шедшие за ним, бросились врассыпную, но некоторые не успели — осадный шар, который голем тащил на цепи, прокатился по земле и раздавил двоих.

Третий голем получил луч в колено. Камень, из которого были сделаны его суставы, плавился медленнее, но верно. Голем попытался сделать шаг и рухнул, подломившись, как подкошенное дерево. Его падение увлекло за собой ещё один отряд пехоты, который не успел отступить.

Четвёртый. Пятый. Шестой. Лучи били один за другим, с равными промежутками, и каждый удар достигал цели. Подсолнухи, выстроенные в линию, работали как единый, сложный механизм. Одни концентрировали свет. Другие корректировали направление. Третьи, те, что были высажены на флангах, отсекали пехоту от големов, не давая им прийти на помощь. Всё поле боя превратилось в хаос из света, жара, криков и грохота.

Сэр Грегор, наблюдавший за разгромом своего авангарда, побледнел как полотно. Его рука, сжимавшая рукоять меча, дрожала от ярости и бессилия. Он ожидал чего угодно — засад, магических атак, контрнаступления, — но не этого. Не того, что его несокрушимые големы, на которых он потратил целое состояние, будут плавиться, как восковые свечи, под лучами проклятых цветов.

— Отступаем! — заорал он, но его голос потонул в грохоте рушащихся големов и криках умирающих рыцарей. — Отступаем, мать вашу! Назад!

Но отступить было некуда. Подсолнухи, словно получив беззвучный сигнал, переключились на пехоту. Их лучи, менее концентрированные, но всё ещё смертельные, ударили по шеренгам рыцарей, и те начали падать один за другим. Тяжёлые доспехи, которые должны были защищать их, стали ловушкой. Металл раскалялся, прожигая одежду и плоть. Воздух наполнился запахом палёного мяса и раскалённого железа. Рыцари, обезумев от боли и ужаса, срывали с себя шлемы и нагрудники, но это не помогало — лучи находили их и без доспехов.

Арбалетчики и лучники попытались открыть ответный огонь по подсолнухам, но их стрелы и болты, попадая в воронки из лепестков, просто испарялись, не долетая до сердцевины. Маги, стоявшие за пехотой, начали спешно плести защитные заклинания, но лучи, сфокусированные подсолнухами, не были магией в чистом виде. Это был просто свет — концентрированный, усиленный, но всё же свет. И магические щиты, рассчитанные на отражение файерболов и ледяных копий, пропускали его, как вода пропускает солнечные лучи.

Элизиум, наблюдавший за катастрофой с командного холма, сжал челюсти. Его лицо, и без того бледное, стало блее мела. Он видел, как гибнут лучшие воины Европы. Видел,

как плавятся големы. Видел, как захлёбывается атака. И он понимал: если ничего не предпринять сейчас, через час от армии вторжения останутся только обугленные кости.

— Второй круг магов — немедленно вызывайте облачность! — приказал он, и его голос, обычно бесстрастный, сейчас прозвучал резко, почти истерически. — Закрывайте солнце! Без света их оружие бесполезно! Быстрее, пока они не перебили всех!

Маги, повинаясь приказу, начали плести заклинания погоды. Это была сложная, требующая огромных затрат маны магия, но сейчас им было не до экономии. Небо над полем боя начало затягиваться тучами. Сначала лёгкими, полупрозрачными. Потом — более плотными, серыми. И наконец — тяжёлыми, свинцовыми, закрывшими солнце почти полностью. Лучи подсолнухов, лишённые подпитки, начали слабеть. Их яркость уменьшилась вдвое, потом втрое. Ещё минута — и они погасли совсем, оставив после себя лишь дымящиеся точки в сердцевинах цветов.

Атака захлебнулась. Подсолнухи, лишённые прямого солнечного света, превратились в обычные растения — большие, красивые, но безобидные. На поле боя воцарилась тишина. Такая глубокая, что было слышно, как потрескивает остывающий камень разрушенных големов. И в этой тиши-

не, нарушаемой только стоном раненых, армия вторжения замерла, не веря своему спасению.

Часть 5. Контрудар стихий

Прошло несколько минут. Тучи, вызванные европейскими магами, висели над полем боя сплошной серой пеленой, и под их покровом армия вторжения спешно перегруппировывалась. Санитары выносили раненых. Маги латали доспехи и лечили ожоги. Командиры перекликались, пытаясь оценить потери и восстановить порядок. Големы — те, что уцелели, — замерли на своих позициях, отключив активные руны и ожидая приказа.

На командном холме царило мрачное настроение. Сэр Грегор, только что вернувшийся с передовой, был покрыт сажей и копотью. Его доспехи, ещё недавно отполированные до блеска, теперь были покрыты вмятинами и подпалинами. Его лицо, и без того мрачное, выражало ярость и стыд.

— Потери? — коротко спросил Аларик.

— Восемь големов уничтожены полностью, — ответил Грегор, и в его голосе прозвучала горечь. — Ещё четверо повреждены. Пехота — около ста человек убитыми и ранеными. В основном — первая дивизия. Они не ожидали. Они думали, что цветы — это просто цветы...

— Я предупреждал, — холодно перебил его Аларик. — Я предупреждал, что это оружие. А теперь слушай меня. Паника и ярость — плохие советчики. Мы потеряли людей, но мы потеряли их не зря. Мы узнали главное: сила этих цветов зависит от солнца. Если мы закроем небо тучами — они бесполезны. Элизиум, сколько времени твои маги смогут поддерживать такую облачность?

Элизиум, стоявший рядом и поправлявший свои перстни, задумался.

— При полном напряжении — два-три часа, не больше, — ответил он наконец. — Это заклинание очень энергоёмкое. Мои маги не смогут одновременно закрывать небо и атаковать. Нам придётся выбирать: либо мы держим тучи и ждём, либо мы снимаем облачность и пытаемся прорваться под огнём этих проклятых цветов.

— Мы не будем ни ждать, ни прорываться, — спокойно ответил Аларик. — Мы будем атаковать с воздуха. Дирижабли. Сейчас, когда солнце закрыто, цветы безвредны. Пусть твои маги с дирижаблей нанесут удар по их позициям. Выжечь поле. Уничтожить эти проклятые подсолнухи. Все до единого. Тогда пехота сможет пройти беспрепятственно.

— Это рискованно, — заметил Элизиум. — Дирижабли

уязвимы для магического огня. Если у противника есть зенитные заклинания, мы можем потерять корабли.

— У них нет зенитных заклинаний, — отрезал Аларик. — Если бы были — они бы уже их использовали. Их сила — в их проклятой флоре. А без солнца флора бессильна. Выполняйте приказ.

Дирижабли, зависшие над полем боя, начали медленно разворачиваться. Их капитанские рубки, защищённые магическими щитами, находились в носовой части, а на палубах, закреплённые на специальных станках, стояли баллисты и катапульты, способные метать снаряды на огромные расстояния. Но главным оружием дирижаблей были не они. Главным оружием были маги-наводчики, сидевшие в специальных кабинах на носу каждого корабля. Их заклинания — файерболы, ледяные копья, молнии — могли прожигать сталь и плавить камень. И сейчас, когда солнце было закрыто тучами, они готовились обрушить всю свою мощь на беззащитные поля.

Первый дирижабль дал залп. Огромный, пылающий файербол, размером с телегу, сорвался с его палубы и устремился вниз, к полю подсолнухов. Он ударил в центр линии, взметнув в воздух тучи земли, пепла и горящих стеблей. Второй файербол — ещё один. Третий. Четвёртый. И вскоре всё

поле, там, где только что стояли прекрасные золотистые цветы, превратилось в море огня.

В командном пункте «Колхоза» было тихо. Иван Петрович смотрел на проекцию, и его лицо, освещённое багровым заревом пожаров, было непроницаемым. Но те, кто знал его достаточно хорошо, видели: он напряжён. Не напуган — именно напряжён. Как тетива лука перед выстрелом.

— Они жгут подсолнухи, — тихо произнёс Кривой Нож, и в его голосе прозвучало отчаяние. — Деда, они жгут наши подсолнухи!

— Я вижу, — спокойно ответил Иван Петрович. — Пусть жгут. Они делают именно то, чего я хотел.

— Чего ты хотел? — переспросил Лиам, и в его голосе прозвучало недоумение. — Но подсолнухи — это наше главное оружие! Если они их уничтожат...

— Подсолнухи — это расходный материал, — перебил его Иван Петрович. — Я сажал их не для того, чтобы они жили вечно. Я сажал их для того, чтобы они нанесли врагу максимальный урон и оттянули на себя его магию. Посмотрите на карту. Пока их маги атакуют подсолнухи, они не атакуют наши теплицы. Пока они жгут поля, они не наступают. По-

ка они вызывают тучи, они тратят ману, которую могли бы потратить на заклинания разрушения. Каждый час, который они проводят под этими тучами, — это час, который работает на нас.

Он повернулся к Эйнару.

— Докладывай обстановку.

— Противник приостановил наступление, — ответил Эйнар. — Големы остановлены. Пехота отошла на исходные позиции. Дирижабли ведут массированный обстрел полей. Но наши потери минимальны. Люди укрыты в теплицах и подземных ходах. «Ежи» и «Стена Плоти» не пострадали. Вторая линия обороны готова к бою.

— Хорошо, — кивнул Иван Петрович. — Очень хорошо. А теперь — внимание. Сейчас начнётся самое интересное.

Он повернулся к Whisper.

— Внучка, активируй «Поющие травы». Те, что на флангах. Пусть они начинают резонанс.

Whisper кивнула и закрыла глаза. Её лицо, бледное и тонкое, стало предельно сосредоточенным. Она «слушала» —

но не врага. Она «слушала» свои растения. Те самые «Поющие травы», которые были высажены на флангах ещё ночью. И сейчас, повинувшись её безмолвному приказу, они начали «петь».

Это был странный, ни на что не похожий звук. Низкий, вибрирующий гул, который исходил из-под земли. Он не был слышен человеческому уху — но он был слышен небу. «Поющие травы» создавали резонансную волну, которая поднималась вверх, в атмосферу, и начинала разрушать структуру облаков. Тучи, которые только что были плотными и непроницаемыми, начали редеть. В них появились прорехи. Сначала маленькие, едва заметные. Потом — всё более широкие. И сквозь эти прорехи начали пробиваться солнечные лучи.

Маги Элизиума, почувствовав неладное, попытались усилить заклинание облачности, но тщетно. «Поющие травы» работали на другой частоте. Они не подавляли магию — они просто мешали ей. Создавали шум. Помехи. И в этом шуме облака теряли свою целостность.

— Что происходит?! — заорал сэр Грегор, глядя на небо.
— Почему тучи рассеиваются?!

— Это их ответ, — тихо произнёс Аларик, и в его голосе

прозвучало что-то похожее на уважение. — Они не просто сидят и ждут. Они борются. Даже сейчас.

Он повернулся к Элизиуму.

— Элизиум, немедленно отзывай дирижабли. Если тучи рассеются, они окажутся под огнём подсолнухов. Мы не можем рисковать кораблями.

— Но поля ещё не выжжены! — возразил Грегор. — Если мы отступим сейчас, все наши потери будут напрасны!

— Поля ещё не выжжены, — согласился Аларик. — Но и мы ещё не проиграли. Мы отходим. Перегруппировываемся. И ждём.

— Ждём чего? — спросил Грегор.

— Ночи, — ответил Аларик. — Ночью солнца нет. Ночью их проклятые цветы бесполезны. И тогда мы ударим снова. Всеми силами. Без всяких туч и магии.

Он повернулся и, не прощаясь, зашагал к своему походному шатру. Грегор и Элизиум переглянулись. Они знали: командующий прав. Но от этого было не легче. Они потеряли людей. Они потеряли големов. Они не смогли прорвать

оборону с ходу. И это было только начало.

Часть 6. Затишье

Над полем боя снова воцарилась тишина. Тучи, рассеянные «Поющими травами», постепенно растаяли, и солнце, теперь уже клонившееся к закату, залило израненную землю золотистым, почти ласковым светом. Там, где ещё час назад бушевало пламя, теперь дымились обугленные остовы подсолнухов. Их стебли, скрученные жаром, напоминали фигуры скорчившихся в агонии людей. Их лепестки, ещё недавно золотистые и прекрасные, превратились в серый пепел, который ветер разносил над равниной. Но те подсолнухи, что стояли дальше от эпицентра обстрела, уцелели. Их головы, всё ещё гордо поднятые к небу, медленно поворачивались вслед за солнцем, и в их сердцевинах снова начинал концентрироваться свет. Они были готовы к новому бою. Они ждали.

Армия вторжения отступала. Не бежала — именно отступала. Организованно. Дисциплинированно. Прикрываясь арьергардами и оставляя за собой заслоны. Рыцари уносили раненых. Маги поддерживали защитные щиты. Големы, те, что уцелели, медленно брели в тыл, оставляя на земле глубокие борозды. Дирижабли, опустившись ниже, прикрывали отход своим присутствием — их маги-наводчики были готовы в любой момент открыть огонь, если противник по-

пытается преследовать. Но противник не пытался. «Колхоз» тоже выдыхался. Подсолнухи, даже те, что уцелели, были на пределе. Их ресурс — накопленная за день солнечная энергия — подходил к концу. Иван Петрович знал: ещё одна атака, и цветы не выдержат. Но враг этого не знал. И это давало им время.

В командном пункте «Колхоза» царила усталая, но удовлетворённая тишина. Командиры сидели за столом, и их лица, ещё недавно напряжённые и мрачные, сейчас выражали что-то похожее на облегчение. Первый день войны — день, которого они так боялись, — подходил к концу. И они выстояли. Не победили — но выстояли. И это уже была победа.

— Подведём итоги, — произнёс Иван Петрович, и его голос, хрипловатый и усталый, разнёсся по теплице. — Первая атака отбита. Противник потерял около двухсот человек убитыми и ранеными, восемь големов уничтожены, ещё несколько повреждены. Наши потери — около трёхсот подсолнухов уничтожены или критически повреждены. Остальные частично истощены, но к утру восстановятся, если будет солнце.

— Они вернутся, — тихо произнёс Эйнар. — Аларик не дурак. Он понял, что днём мы сильнее. Теперь он будет ждать ночи.

— Будет, — согласился Иван Петрович. — Но ночью мы тоже не беззащитны. У нас есть «Ежи». Есть «Цепкий плющ». Есть мины-поганки, которые одинаково хорошо работают и днём, и ночью. Мы подготовим им такую встречу, что они проклянут тот час, когда решили сунуться в темноте.

Он поднялся с табурета и подошёл к проекции. На ней, поверх выжженных полей и разрушенных големов, уже высвечивались новые линии обороны — те, что они подготовили за прошедшие недели. Вторая линия теплиц. Третья линия «Ежей». Запасные позиции для подсолнухов. Пути отхода в «Нейтральные житницы». Всё это было продумано. Всё было готово. И всё это ждало своего часа.

— Знаете, что я понял за сегодняшний день? — тихо произнёс Иван Петрович, не оборачиваясь.

Все молчали.

— Я понял, что мы можем победить, — продолжал он. — Не сразу. Не легко. Но можем. Сегодня они бросили на нас всё, что у них было: големов, магов, пехоту, дирижабли. А мы ответили им цветами. Обычными подсолнухами, которые я сажал вот этими руками. — Он поднял свои заскорузлые, покрытые шрамами ладони. — И мы их остановили. Не

навсегда — но остановили. И пока мы можем их останавливать — у нас есть шанс. Пока мы можем заставить их бояться нашей земли — мы непобедимы.

Он замолчал и повернулся к своим командирам.

— Завтра будет новый день. И новый бой. А сегодня — отдыхайте. Вы это заслужили.

Он повернулся и вышел из теплицы, опираясь на сапку. За ним, как всегда, последовала Whisper. А командиры остались сидеть за столом, глядя на проекцию, на которой медленно, очень медленно закатывалось солнце, и думая о том, что принесёт завтрашний день.

Часть 7. Вечерние размышления

Ночь опустилась на восточные равнины. Солнце, багровое и огромное, медленно скрылось за холмами, и небо над полями подсолнухов окрасилось в тревожные, тёмно-красные тона. Ветра не было. Тишина стояла такая глубокая, что, казалось, сама земля затаила дыхание. Затаилась. Ждала.

Иван Петрович сидел на своём излюбленном месте — обломке старого жернова, — и смотрел на Чёрный Цветок. Цветок пульсировал своим обычным, тёмно-багровым светом, и в его пульсации было что-то успокаивающее. Рядом с ним, на земле, сидела Whisper. Она уже не прислушивалась — она просто сидела, закутавшись в плащ, и, казалось, дремала. Но Иван Петрович знал: она не спит. Она просто отдыхает. Так, как умеет только она.

— Ты сегодня была на высоте, — тихо произнёс он. — Без твоих «Поющих трав» мы бы не справились.

Whisper не ответила, но её губы тронула лёгкая, едва заметная улыбка.

— Я боялась, — тихо сказала она наконец. — Когда они начали жечь поля. Я чувствовала, как умирают подсолнухи.

Их «песни» обрывались одна за другой. Это было... больно.

— Понимаю, — кивнул Иван Петрович. — Мне тоже было больно. Я вырастил их. Я дал им жизнь. А они отдали её за нас. За нашу землю. За наш дом. Это... это справедливо, наверное. Но легче от этого не становится.

Они долго молчали. Звёзды, рассыпанные по небу, мерцали холодным, равнодушным светом. Где-то вдалеке, на восточных холмах, всё ещё догорали остатки подсолнухов, и их багровое зарево напоминало о том, что война не закончена. Она только начинается.

— Знаешь, что я понял сегодня? — спросил Иван Петрович, не глядя на Whisper.

— Что? — тихо ответила она.

— Я понял, что моя сапка, — он поднял её и посмотрел на сточенное, но всё ещё острое лезвие, — моя старая, верная сапка, которой я возделывал эту землю, сегодня стала оружием. Не мечом — но оружием. Она не убивала. Но она сажала то, что убивало. И это... странно. Странно осознавать, что ты фермер, который превратился в генерала. Что ты выращиваешь не пшеницу, а смерть. Что твои поля кормят не людей, а войну.

— Ты не превратился в генерала, — тихо возразила Whisper. — Ты остался фермером. Просто твоя ферма стала полем боя. Но ты не выбирал это. Это выбрали тебя.

— Выбрали, — повторил Иван Петрович, пробуя слово на вкус. — Может быть. Но всё равно — когда-нибудь, когда всё это закончится, я хочу снова стать просто фермером. Сажать морковь. Выращивать огурцы. Пить травяной отвар на закате и ни о чём не думать. Ни о войне. Ни о смерти. Ни о големах и подсолнухах.

— Так и будет, — сказала Whisper. — Однажды. Я верю в это.

— Я тоже, — ответил Иван Петрович. — Потому и воюю.

Он поднялся и, опираясь на сапку, зашагал к своему шалашу. За его спиной, в темноте, продолжали пульсировать уцелевшие подсолнухи — молчаливые, грозные, готовые к новому бою. И те, кто видел их в эту ночь, запоминали это зрелище на всю жизнь. Потому что это было не просто зрелище. Это было обещание. Обещание того, что этот сервер не сдастся без боя. Что эта земля будет сражаться за своих детей.

И горе тому, кто попытается их сломить.

Конец главы.

Глава 3. Генерал-тля

Часть 1. Энергетический тупик

Утро над восточным фронтом выдалось пасмурным и промозглым — одним из тех серых, бесцветных утр, когда даже солнце, пробиваясь сквозь плотную пелену туч, кажется не источником тепла и жизни, а размытым пятном на грязном холсте. Ветра не было, но воздух оставался холодным и влажным, пропитанным запахом мокрой земли, прелых листьев и того особенного, ни с чем не сравнимого смрада, который оставляет после себя война. Смрада горелого дерева, палёной плоти и разлагающихся останков големов, всё ещё дымившихся на нейтральной полосе.

В штабной теплице, замаскированной в глубине второй линии обороны, горели магические кристаллы. Их голубоватый, холодный свет выхватывал из полумрака лица собравшихся — усталые, напряжённые, покрытые тенями, которые делали их старше и суровее, чем они были на самом деле. За грубо сколоченным столом, на котором громоздились карты, сводки и глиняные таблички с расчётами, сидели те, кто держал в своих руках судьбу всего сервера.

Иван Петрович сидел во главе стола, опираясь на свою неизменную сапку. Его лицо, изрезанное морщинами, было непроницаемым, но те, кто знал его достаточно хорошо,

видели: он напряжён. Не напуган — именно напряжён. Как тетива лука перед выстрелом. Последние дни он почти не спал, проводя ночи в лаборатории, и его глаза, покрасневшие от недосыпа, смотрели на мир с тем особым, цепким вниманием, которое вырабатывается только у людей, привыкших нести ответственность за других. Рядом с ним, на своём обычном месте у стены, сидела Whisper, закутавшись в неизменный старый плащ. Её глаза были закрыты, но лицо выражало предельную сосредоточенность. Она слушала.

Эйнар, стоявший у большой магической проекции, занимавшей всю центральную стену, докладывал обстановку. Его голос, сухой и бесстрастный, звучал как обычно, но в нём, если прислушаться, можно было уловить нотки сдерживаемого раздражения. Раздражения военного, который привык к ясности и действию, а вместо этого вынужден иметь дело с неопределённостью.

— Прошло четыре дня с момента последней крупной атаки, — говорил он, указывая на проекцию, где разноцветными значками были отмечены позиции врага и защитников. — Противник ограничивается ночными вылазками и разведкой боем. Европейцы отошли на восточные холмы и закрепились там. Азиаты перегруппировываются севернее. Судя по всему, они ищут обходные пути через старые шахты. Прямых столкновений нет, но давление сохраняется. Патрули

Рейнджера докладывают о постоянном движении в тылу врага — подвозят припасы, усиливают охрану лагерей, ставят дополнительные магические барьеры.

— Магические барьеры, — тихо повторил Иван Петрович, и в его голосе не было удивления. Только мрачное удовлетворение человека, который предвидел этот ход. — Значит, Аларик учится на своих ошибках. Не лезет в лоб, не тратит людей на мои поля. Укрепляется. Ждёт.

— Именно, — подтвердил Эйнар. — И это плохо. Потому что время сейчас работает не на нас.

Он развернул на столе сводку, исписанную убористым почерком кого-то из штабных писарей.

— Ресурсы. Наши запасы продовольствия пока держатся, но «Нейтральные житницы» не могут работать на полную мощность — часть полей мы сами заминировали, часть всё ещё не оправилась после Пожирателя. Боеприпасы для «Ежей» — шипы и споровые заряды — расходуются быстрее, чем мы ожидали. Люди устали. Они держатся на энтузиазме и вере в победу, но энтузиазм — топливо недолговечное. Если враг продолжит тактику измора, через месяц, может быть, два, мы начнём выдыхаться. А они — нет. У них за спиной порталы, через которые идут поставки. У них ре-

зервы. У них ресурсы трёх серверов.

В теплице повисла тишина. Тяжёлая, гнетущая тишина, которую нарушил голос Razor'a. Он сидел в углу, прислонившись спиной к стене, и его лицо, покрытое шрамами и угольной пылью, было мрачнее обычного.

— Ты хочешь сказать, что мы проигрываем? — спросил он, и в его низком, рокочущем голосе не было ни страха, ни упрёка. Только желание понять.

— Я хочу сказать, — ответил Эйнар, — что если мы не изменим ситуацию в ближайшее время, то проиграем. Не сейчас. Не завтра. Но проиграем. Потому что война на истощение — это война ресурсов. А ресурсов у них больше.

— Ресурсов, — снова повторил Иван Петрович, и в его голосе прозвучала лёгкая, почти неуловимая усмешка. — Ты говоришь о ресурсах так, будто это только еда, сталь и мана. Но ресурсы — это не только то, что можно посчитать. Ресурсы — это ещё и идеи. И у меня есть одна.

Он поднялся с табурета и подошёл к проекции. Его сапка, которую он держал в руке, указала на скопление синих значков, обозначающих вражеских магов.

— Посмотрите сюда. Вот она, главная сила Аларика. Не големы. Не рыцари. Даже не дирижабли. Маги. Это они поддерживают защитные купола, через которые не пробиться нашим «Ежам». Это они лечат раненых, возвращая в строй тех, кто должен был умереть. Это они заряжают руны на доспехах рыцарей, делая обычного солдата машиной для убийства. Это они вызывают тучи, когда наши подсолнухи начинают концентрировать свет. Вся их армия, весь их план, вся их стратегия держится на магах. Уберите магов — и что останется?

Эйнар задумался. Его глаза, холодные и цепкие, пробежались по карте.

— Тяжёлая пехота, — медленно произнёс он. — Рыцари в латах. Без магических усиления они медлительны и неповоротливы. Их доспехи, которые обычно держатся за счёт зачарований, станут обузой. Мечи потеряют остроту и пробойную силу. Арбалетчики — да, они опасны, но без магического наведения их стрелы не пробьют наши укреплённые теплицы. Азиаты... — он нахмурился, — азиаты полагаются на лёгкую броню и скорость. Их магия — это иллюзии и контроль. Если убрать магов, они останутся без прикрытия и станут уязвимы для наших засад.

— Именно, — кивнул Иван Петрович. — Без магов их ар-

мия — это просто толпа. Хорошо вооружённая, дисциплинированная, опытная — но толпа. А толпу можно бить.

— Но как убрать магов? — спросил Кривой Нож, который всё это время сидел молча и нервно постукивал пальцами по колену. — Мы пробовали подсолнухи — они закрыли небо тучами. Пробовали «Ежей» — они поставили щиты. Пробовали мины-поганки — они чистят ауры. У них защита от всего, что мы можем им предложить!

— От всего, что мы предлагали до сих пор, — поправил его Иван Петрович. — Но мы ещё не предлагали им... насекомых.

В теплице повисла недоумённая тишина. Кривой Нож открыл было рот, чтобы переспросить, но осёкся, встретив взгляд старика. Этот взгляд не выражал ни шутки, ни безумия. Только холодную, расчётливую уверенность. Такую, какая бывает у людей, которые знают что-то, чего не знают другие.

— Насекомых? — переспросил Лиам, и в его голосе прозвучало искреннее изумление. — Вы хотите сказать, что мы будем сражаться... жуками?

— Не жуками, — ответил Иван Петрович, и его губы тро-

нула лёгкая, почти неуловимая усмешка. — Тлэй. Обычной тлэй. Вернее, не совсем обычной. Я называю её «Генеральская тля». И да, — он обвёл взглядом собравшихся, — мы будем сражаться ею.

Он повернулся к Кривому Ножу.

— Помнишь, месяц назад, когда мы разбирали старые образцы в лаборатории, ты спросил меня, что это за банка с белыми точками на листьях? Я тогда сказал тебе, что это неудавшийся эксперимент. Я солгал. Это не был неудавшийся эксперимент. Это было оружие. Оружие, которое я создал на случай, если враг окажется слишком силён, чтобы победить его обычными средствами. И сейчас, — он помолчал, — этот случай настал.

Кривой Нож побледнел. Он хорошо помнил ту банку. И помнил, как Иван Петрович поспешно убрал её на верхнюю полку, сказав, что «это не для твоих глаз, парень, и надеюсь, никогда не понадобится».

— Деда, — тихо произнёс он, — что это за тля?

Иван Петрович прошёлся по теплице, собираясь с мыслями. Его шаги были медленными и тяжёлыми, как у человека, который несёт на плечах груз, невидимый для других. Нако-

нец он остановился и заговорил.

— Когда я только начинал работать с растениями в этой игре, я экспериментировал не только с полезными культурами. Я изучал и вредителей. Тех, кто угрожает урожаю. Тлю, паутинного клеща, белокрылку, трипсов. Я хотел понять, как они взаимодействуют с магической средой «Артары». И обнаружил интересную вещь. Обычная тля, которая в реальном мире питается соками растений, здесь, в «Артаре», может питаться не только органикой. Она может питаться магией.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Понимаете? Магия в этой игре — это не просто абстрактная сила. Это энергия, которая течёт по определённым каналам. Она есть в растениях, в животных, в игроках. У магов её особенно много — они копят её, концентрируют, используют для заклинаний. И тля, если её правильно модифицировать, может высасывать эту энергию. Как обычная тля высасывает сок из листьев.

— Модифицировать, — медленно произнёс Razor, и в его голосе прозвучало что-то среднее между восхищением и ужасом. — Ты скрестил тлю с чем-то ещё.

— Скрестил, — подтвердил Иван Петрович. — С «Поющей травой», которая чувствует магию, и с «Магическим мхом», который накапливает её. Результат — насекомое, которое чует магическую энергию на расстоянии, летит к её источнику и высасывает её досуха. Не убивает носителя — просто опустошает его резервы. Маг, которого атаковала такая тля, остаётся живым, но полностью лишённым маны. Он не может кастовать заклинания. Не может поддерживать щиты. Не может лечить. Он становится обычным человеком. Беспомощным. Беззащитным.

В теплице снова повисла тишина, но теперь она была другой. Не гнетущей — скорее, ошеломлённой. Командиры переваривали услышанное. Каждый из них понимал: то, что предлагает Агроном, — это не просто тактика. Это переворот. Переворот в самой концепции войны. Оружие, которое не убивает, но делает врага беспомощным. Оружие, которое бьёт не по плоти, а по магии.

Первым нарушил молчание Эйнар.

— Риски? — коротко спросил он. Как военный, он понимал: любое оружие имеет свою цену.

— Риски есть, — честно ответил Иван Петрович. — Тля не различает своих и чужих. Она реагирует на магию — лю-

бую магию. Если кто-то из наших бойцов будет использовать заклинания рядом с ней, она атакует и его. Поэтому операцию должны проводить только немагические бойцы. Шахтёры. Фермеры. Те, кто работает руками, а не посохом.

— И ещё, — добавил он, и его голос стал тише, — тля непредсказуема. Я не могу контролировать её напрямую — только задать начальный вектор. Куда она полетит, как быстро распространится, сколько маны высосет — всё это зависит от условий. Если враг быстро сообразит, что происходит, и отведёт магов, тля может не успеть нанести достаточный урон. Если же, наоборот, они попытаются бороться с ней магией... — он усмехнулся, — ...то они сделают именно то, что нам нужно. Потому что магия для неё — это еда. Чем больше магии они на неё обрушат, тем быстрее она размножится.

— Размножится? — переспросил Кривой Нож, и его глаза расширились. — Она что, ещё и размножается?!

— А ты думал, — хмыкнул Иван Петрович. — Это же тля. Её главное свойство — плодовитость. Одна особь, насытившись маной, откладывает десятки яиц. Из яиц вылупляются новые особи, которые тут же начинают искать новые источники магии. Если дать ей волю, она может опустошить целый магический колодец за несколько часов. Именно поэтому я держал её взаперти. Это оружие, которое нельзя применять

без крайней необходимости. Потому что, как и любое оружие, оно может обернуться против создателя.

Он обвёл взглядом собравшихся.

— Но сейчас, — произнёс он, и в его голосе зазвучала та самая сталь, которую все они так хорошо знали, — крайняя необходимость настала. Мы не можем ждать. Мы не можем отступать. Мы должны ударить. И мы ударим. Там, где они не ожидают. Туда, где они чувствуют себя в безопасности. В их собственном лагере.

Часть 2. Пробуждение генерала

Подземная лаборатория Ивана Петровича в этот вечер была освещена ярче обычного. Десятки магических кристаллов, вставленных в каменные ниши, заливали помещение холодным, голубоватым светом, и в этом свете всё казалось резким, чётким, почти нереальным. Стены, укреплённые обломками гранита, были увешаны полками, на которых в строгом порядке стояли глиняные горшки, стеклянные колбы и деревянные ящики с образцами. Вдоль дальней стены тянулись стеллажи с законсервированными семенами. А в центре, на большом рабочем столе, под специальным зачарованным колпаком, стояли герметичные террариумы.

Иван Петрович стоял у стола, опираясь на сапку, и смотрел на свои творения. Рядом с ним, затаив дыхание, стоял Кривой Нож. Он был здесь в качестве ассистента — старик лично попросил его помочь, сказав, что «молодые глаза пригодятся». Кривой Нож понимал, что это не просто помощь. Это был урок. Один из тех уроков, которые Иван Петрович давал только самым доверенным ученикам. И он был полон решимости не ударить в грязь лицом.

В террариумах, на листьях гигантского мутировавшего сорняка, сидели существа. Они были похожи на тлю — та-

кое же мягкое, полупрозрачное тело, такие же тонкие лапки, такие же хоботки, приспособленные для высасывания соков. Но размером они были не с булавочную головку, как обычная тля, а с крупную кошку. Их брюшки, пульсирующие и полупрозрачные, светились мягким, зеленоватым светом — признаком того, что внутри них циркулирует поглощённая мана. Их глаза, большие и фасеточные, казались бездумными и пустыми, но в то же время в них было что-то жуткое. Что-то, что говорило: эти существа не просто насекомые. Они — машины для поглощения. Живые насосы, созданные для одной-единственной цели.

— «Генеральская тля», — тихо произнёс Иван Петрович, и в его голосе прозвучала странная смесь гордости и отвращения. — Я назвал её так, потому что она — генерал среди вредителей. Верховный главнокомандующий всех паразитов. Когда я её выводил, я думал, что создаю средство для борьбы с сорняками. Понимаешь? Я хотел, чтобы она уничтожала магические сорняки — те, что питаются маной из почвы и мешают расти нормальным растениям. А получилось... — он запнулся, подбирая слова, — ...получилось оружие. Идеальное оружие против магов.

Он склонился над террариумом и осторожно, кончиками пальцев, коснулся зачарованного колпака. Тля внутри зашевелилась, почувствовав движение, но не проявила агрессии

— она была сонной, вялой, законсервированной. Без доступа к магии она впадала в спячку, замедляя метаболизм до минимума. В таком состоянии она могла храниться месяцами, не требуя ни пищи, ни ухода. Но стоило ей почуять источник магии — и она пробуждалась. Мгновенно. Неотвратимо. Смертоносно.

— Расскажи мне о ней, — попросил Кривой Нож, не в силах оторвать взгляд от террариума. — Всё. Как она работает. Что она может. И чего не может.

Иван Петрович кивнул и начал говорить. Его голос, хрипловатый и спокойный, звучал как лекция профессора в университете — только вместо аудитории перед ним был единственный ученик, затаивший дыхание.

— Принцип действия прост. Обычная тля питается соками растений. Она вонзает хоботок в лист или стебель и высасывает из него питательные вещества. Моя тля делает то же самое — но с магией. Она чувствует магическую энергию на расстоянии, летит к её источнику и вонзает хоботок в... ну, скажем так, в магическое поле жертвы. Не в плоть — в ауру. Она не причиняет физической боли. Жертва может даже не заметить, что на неё села тля — особенно если она занята кастованием заклинания или медитацией. Но результат ощущается почти сразу. Мана начинает уходить. Сначала

медленно, потом всё быстрее и быстрее. Маг, которого атаквала одна особь, теряет способность кастовать простые заклинания за несколько минут. Если особей несколько — он теряет всю ману за считанные секунды.

— А если маг попытается её сбросить? — спросил Кривой Нож. — Ну, заклинанием каким-нибудь? Или просто рукой?

— Рукой — бесполезно, — ответил Иван Петрович. — Тля выделяет липкий секрет, который приклеивает её к ауре жертвы. Оторвать её можно только с куском ауры — а это очень больно и чревато магическим истощением. Заклинанием — ещё хуже. Тля питается магией. Любое заклинание, направленное на неё, она просто поглощает. Файербол? Поглотит и раздуется от энергии. Ледяное копье? То же самое. Молния? Только подпитает её. Единственный способ избавиться от тли — это физически раздавить её. Но для этого нужно сначала её найти. А она, — он усмехнулся, — хорошо прячется. На спине, под доспехом, в складках одежды. Пока маг поймёт, что его мана уходит, пока найдёт тлю, пока попытается её снять — пройдёт время. А время в бою — это жизни.

Кривой Нож смотрел на террариум с ужасом и восхищением одновременно. Он уже видел, как работают «Ежи», видел, как работают подсолнухи, видел, как работают мины-по-

ганки. Но это... это было что-то новое. Что-то, что не просто ранило или удерживало — а полностью лишало врага его главного преимущества. Его магии.

— Деда, — тихо произнёс он, — а ты не боишься, что она... ну... вырвется на свободу? Что мы не сможем её контролировать?

— Боюсь, — честно ответил Иван Петрович. — Ещё как боюсь. Потому что, если тля вырвется из-под контроля, она может опустошить весь сервер. Не только врагов — всех. Она не различает своих и чужих. Для неё есть только магия — и отсутствие магии. Если она попадёт в «Нейтральные житницы», где работают наши маги-целители, она уничтожит их. Если она доберётся до наших теплиц, где растения подпитываются магией для роста, она погубит урожай. Это оружие абсолютное. И именно поэтому я использовал его только однажды — в тестах, на изолированном участке. И надеялся, что больше никогда не придётся.

Он помолчал и добавил — тише, почти шёпотом:

— Но сейчас — придётся. Потому что иначе мы не выстоим.

Он выпрямился и повернулся к Кривому Ножу.

— Завтра ночью мы нанесём удар. Ты, Razor и отряд шахтёров — вы пойдёте к вражескому лагерю и установите там «посевные горшки». Тля пробудится, почует магию и атакует магов. Ваша задача — не вступать в бой. Только установить и уйти. Быстро. Тихо. Незаметно. Понял?

— Понял, деда, — ответил Кривой Нож, и в его голосе не было страха. Только решимость.

Часть 3. Ночной посев

Ночь опустилась на восточные холмы — безлунная, глухая, идеальная для скрытных операций. Звёзды, рассыпанные по небу, мерцали тускло и равнодушно, словно им не было никакого дела до того, что происходило внизу. Ветра не было. Тишина стояла такая глубокая, что, казалось, сама земля затаила дыхание. Затаилась. Ждала.

Отряд, собранный Razor'ом, состоял из десяти человек. Все они были шахтёрами — людьми, привыкшими к темноте, тесноте и опасности. Они не владели магией, не носили зачарованных доспехов, не полагались на амулеты и зелья. Их оружием были кирки, лопаты и короткие мечи, приспособленные для ближнего боя в узких штольнях. Их доспехи были лёгкими и бесшумными — кожаные куртки, усиленные стальными пластинами, и мягкие сапоги, позволявшие ступать почти неслышно. Их лица, покрытые угольной пылью и шрамами, были мрачными и сосредоточенными. Они знали: то, что им предстоит сделать, — не просто вылазка. Это миссия, от которой зависит исход войны.

Razor стоял во главе отряда, держа в руках небольшой глиняный горшок с вентиляционными отверстиями. Внутри, в темноте и прохладе, спала «Генеральская тля» — несколько

десятков особей, законсервированных и готовых к пробуждению. Такие же горшки несли ещё трое бойцов. Всего — четыре горшка. Четыре точки заражения. Четыре очага будущей паники.

— Слушайте приказ, — тихо произнёс Razor, и его низкий, рокочущий голос разнёсся в ночной тишине. — Наша задача — проникнуть во вражеский лагерь, установить горшки и уйти. Никаких боёв. Никаких стычек. Если нас заметят — мы провалили миссию. Поэтому двигаемся тихо. Как в старых шахтах, когда над головой вот-вот обвалится кровля. Понятно?

Шахтёры молча кивнули. Они понимали. Они привыкли к опасности. И они знали: Razor не бросает слов на ветер.

Отряд двинулся в темноту. Они шли не по дорогам — дороги были заминированы и охранялись. Они шли через старые шахтёрские ходы — те самые, что ещё во время войны с «Ястребами» использовались для скрытных перемещений. Ходы были узкими, тёмными и сырыми, но шахтёры чувствовали себя в них как дома. Они знали каждый поворот, каждый спуск, каждую трещину в породе. И они вели Razor'a и Кривого Ножа — двух единственных не-шахтёров в отряде — с уверенностью людей, которые провели под землёй сотни часов.

Через час они вышли к окраине вражеского лагеря. Здесь, у подножия восточных холмов, европейцы разбили свой основной лагерь. Он был огромен — сотни палаток, десятки костров, загоны для муунтов, полевые кузницы, склады, госпитали. В центре, на небольшом возвышении, стоял командный шатёр лорда Аларика — массивное сооружение из зачарованной ткани, светившееся изнутри мягким, золотистым светом. По периметру лагеря были установлены магические барьеры — мерцающие, полупрозрачные стены, которые гудели от напряжения. Стража ходила дозорами, и их шаги были слышны за много метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.